Н. Н. Брешко-Брешковскій

„Записки Проходимца“

(Прерванный романъ)

„На Деснѣ“

Путевой зигзагъ.

С.-Петербургъ
Изданіе А. И. Тарвида
1901

„Американская Скоропечатня“ Литейный, 28
С.-Петербургъ

ПОСВЯЩАЕТСЯ

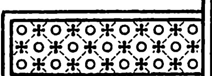
Владиміру Єгоровичу

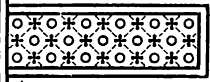
Маковскому

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 Сентября 1901 г.

„ЗАПИСКИ ПРОХОДИМЦА“

(Прерванный роман).

Года три назадъ мнѣ пришлось жить на Васильевскомъ островѣ. Поселился я въ меблированныхъ комнатахъ. Странныя это были комнаты—съ верхнимъ свѣтомъ. Совсѣмъ мастерскія художниковъ. Сначала меня раздражалъ этотъ льющійся съ потолка свѣтъ, но скоро я привыкъ къ нему. Комната моя была большая, просторная, съ ломаннымъ потолкомъ, который къ наружной стѣнѣ круто наклонялся. И этотъ необычный потолокъ придавалъ комнатѣ что-то привлекательно-уютное.

Я переѣхалъ туда зимой. Когда я вошелъ въ комнату за внесшимъ мои вещи швейцаромъ, мнѣ бросился

въ глаза черный осиротѣлый мольбертъ. Здѣсь жилъ художникъ. Разглядѣвъ на стѣнѣ небольшую картину, я укрѣпился въ моемъ предположеніи. Картина была написана не блестяще, но и не очень слабо. Свинцовый колоритъ зимнихъ сумерокъ; уснувшая въ тяжелыхъ снѣгахъ безпредѣльная степь. Этой степью бредетъ куча конныхъ казаковъ. Они сбились съ дороги. У лошадей измученный, усталый видъ. Художникъ картину не кончилъ, но тщательно, даже кричаще подписалъ ее: „И. Крапоткинъ".

Потомъ, совершенно случайно я узналъ отъ хозяйки, что нѣсколько мѣсяцевъ назадъ здѣсь жилъ, вмѣстѣ съ женою, молодой художникъ Маразюкъ. Супруги то бѣдствовали, то роскошничали. Между собой они не ладили. Красивая женщина, она всегда имѣла много поклонниковъ. Мужъ ревновалъ и дѣлалъ сцены, что, однако, не мѣшало ему ухаживать за академическими натурщицами. Маразюкъ билъ жену ремнемъ.

Она не выдержала и ушла жить къ франту въ клѣтчатыхъ панталонахъ, который послѣднее время бывалъ у нихъ особенно часто.

Маразюкъ запилъ съ горя и началъ устраивать у себя съ натурщицами такія оргія, что хозяйка попросила его очистить комнату. Онъ словно обрадовался этому и быстро съѣхалъ, не заплативъ за два мѣсяца. На память о себѣ онъ оставилъ мольбертъ и неоконченную картину.

— Дрянь человѣкъ,—закончила свой разсказъ хозяйка.

Послѣ этого жизнь моей комнаты раздѣлилась какъ бы на двѣ жизни. Одна реальная, моя собственная, со всѣми моими интересами; другая призрачная, мистическая — жизнь двухъ людей, что находились здѣсь недавно. Мнѣ мерещилась красивая, молодая женщина, интересная, тоскующая... Нерѣдко, особенно зимними сумерками, когда все вокругъ утихало, точно зачарованное, я видѣлъ ея глаза, улыбку...

Роясь однажды въ нижнемъ ящикѣ платяного шкапа, куда раньше почему-то не заглядывалъ, я, средь вороха старыхъ газетъ, нашелъ объемистую тетрадь въ мягкомъ клеенчатомъ переплетѣ. Она наполовину была исписана крупнымъ, четкимъ почеркомъ. Я пробѣжалъ одну страницу, другую, третью. Оказалось, это были записки художника Маразюка, нѣчто въ родѣ автобіографіи. Я дивился легкой литературной формѣ, прочелъ тетрадь въ одинъ вечеръ и рѣшилъ напечатать повѣствованіе, которое скорѣе всего можно назвать неоконченнымъ романомъ. Насколько этотъ неоконченный, вѣрнѣе, прерванный романъ интересенъ, предоставляю судить читателю.

I.

Мой отецъ былъ урядникъ.

Теперь, когда я вышелъ въ люди— по крайней мѣрѣ мнѣ кажется, что я пробился въ люди, — я скрываю

мое происхожденіе. Будь я сынъ простого мужика, — я гордился бы этимъ. Есть что-то обаятельное въ талантливомъ художникѣ, вышедшемъ изъ народа. А я талантливъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Я отлично понимаю гордость тургеневскаго Базарова, съ которой онъ произнесъ: „мой дѣдъ пахалъ землю“ Сколько здѣсь простого и вмѣстѣ съ тѣмъ величаваго благородства! Но сказать: мой отецъ былъ урядникъ, бралъ взятки цыплятами, яйцами, пятаками, холопствовалъ, стоя безъ шапки предъ исправникомъ, и былъ дерзокъ, высокомѣренъ съ евреями, крестьянами—сознаться въ этомъ, — воля ваша,—не хватаетъ гражданскаго мужества. Слишкомъ унизительной, подлой казалась мнѣ отцовская служба.

Если кто-нибудь изъ незнакомыхъ съ моимъ прошлымъ любопытствовалъ о моемъ происхожденіи, то, краснѣя и не глядя на вопрошавшаго, я обыкновенно отвѣчалъ: „ви-

дите ли, мой отецъ служилъ по уѣздной полиціи"...—Понимай, какъ хочешь.

Но въ нашей губерніи моя родословная была отлично вѣдома всѣмъ, начиная съ губернатора и кончая послѣднимъ писцомъ акцизнаго управленія. И, не взирая на это, я, ничтожество, соціальная мразь, былъ запросто принятъ у губернатора, проводилъ вечера съ его красавицей дочкой. Предводитель камергеръ графъ Рейхъ-Топольницкій нерѣдко заглядывалъ въ мою скромную квартирку.

Вотъ, что значитъ быть отмѣченнымъ искрой Божіей таланта! Ступеньки общественной лѣстницы, если не исчезаютъ совершенно, то во всякомъ случаѣ становятся болѣе пологими...

Однако, я забѣгаю впередъ. Артистическая натура не можетъ не разбрасываться... Я остановлюсь на моемъ дѣтствѣ. Въ немъ было много поучительнаго; по крайней мѣрѣ, для меня.

II.

Теперь, когда мнѣ подъ тридцать, стараясь заглянуть въ самый раннiй перiодъ моего дѣтства, я вспоминаю себя не иначе, какъ четырехлѣтнимъ худымъ заморышемъ, который лежитъ на деревянномъ, некрашенномъ полу и на его усѣянныхъ гвоздями доскахъ силится рисовать мѣломъ — лошадей, собакъ, коровокъ. При этомъ я всегда старался, чтобы круглыя, отполированныя подошвами шляпки гвоздей служили глазами моихъ животныхъ. Болѣе эффектныхъ глазъ нельзя и придумать, казалось мнѣ. Это были мои первые шаги, въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ слова, на пути, если не къ славѣ, то къ нѣкоторой извѣстности.

Навѣрное никто не станетъ оспаривать, что я представляю собой одну изъ надежныхъ вторыхъ скри-

покъ въ оркестрѣ русскихъ портретистовъ. А, можетъ быть, я не вторая и даже не третья скрипка, а просто бездарность, можетъ быть, во мнѣ говоритъ одно лишь громадное самомнѣніе, которое такъ свойственно людямъ либеральныхъ профессій? Однако, мои портреты нравились самому Рѣпину. Онъ не станетъ зря хвалить. Глядя на мои работы, онъ говаривалъ не разъ:— „широко писано; старайтесь, Маразюкъ, старайтесь!“ Въ устахъ Ильи Ефимовича это похвала большая. Рѣпинъ для меня Богъ, недосягаемый идеалъ!

Маразюкъ!.. какая гнусная, плебейская фамилія! Я стыжусь ея, не меньше своего происхожденія. Я выдумалъ себѣ псевдонимъ вполнѣ аристократическій,—„Крапоткинъ“. Этимъ именемъ я и подписываю свои портреты, картинки. На моихъ визитныхъ карточкахъ стоитъ: „Иванъ Мартыновичъ Маразюкъ-Крапоткинъ“. Выходитъ, правда, смѣсь французскаго съ нижегород-

скимъ, но все же лучше, чѣмъ бы стояло просто „Маразюкъ“.

За мои аристократическія стремленія вообще, а за псевдонимъ Крапоткина въ частности, мнѣ пришлось поплатиться. Какъ — я разскажу впослѣдствіи. Благодаря этому, казалось бы, пустячному обстоятельству, мнѣ не удалось кончить академію. Впрочемъ, въ томъ, что я бросилъ академію, виновата моя жена, которая ушла жить къ служащему въ частномъ банкѣ молодому франту...

Опять забѣжалъ впередъ.

Отца моего нѣтъ въ живыхъ уже лѣтъ четырнадцать. Я ненавидѣлъ его, не люблю и теперь. Но ясно помню высокаго, сутуловатого и очень худого человѣка съ тусклыми оловянными глазами, холодными и непріятными. Исправникъ, когда бывалъ въ милостивомъ настроеніи духа, называлъ его муміей Рамзеса II. На худомъ отцовскомъ станѣ просторно падалъ внизъ скучными складками длинный выцвѣтшій мун-

диръ. Отъ плеча къ поясу шелъ оранжевый шнуръ револьвера, съ которымъ отецъ никогда почти не разставался. Шнуръ обтрепался, вытерся и наружу лѣзли пучки бѣлыхъ нитей.

Отецъ не заботился о своей внѣшности, а крѣпко думалъ только о томъ, какъ бы скопить побольше денегъ. Впрочемъ, врядъ ли даже самый щегольской костюмъ могъ скрасить его неприглядную фигуру, его некрасивое, бѣлобрысое лицо, съ такимъ рыхлымъ и толстымъ носомъ, что, казалось, въ него ушла вся мякоть длиннаго жилистаго тѣла. Отецъ отличался большой силой и ударъ его громадной костлявой руки бывалъ ужасенъ. Это отлично зналъ и я, и бѣдная мамочка, знали многіе жители Домотканова.

III.

Избилъ меня отецъ жестоко въ первый разъ, когда мнѣ было пять

лѣтъ. Я не могъ равнодушно видѣть ни мѣла, ни уголька, ни карандаша, всего, чѣмъ такъ или иначе удобно пачкать полъ, стѣны, бумагу. Но болѣе всего меня манили къ себѣ перо и чернила.

Какъ-то подъ вечеръ ни отца, ни мамочки не было дома. Мнѣ попался листъ бумаги. Одна половина его была исписана, другая, къ моей великой радости, оказалась чистой. Я перенесъ на обѣденный столъ чернильницу, и давай разрисовывать бумагу. Видимо, на меня снизошло вдохновеніе, ибо чего я только не нарисовалъ! Тамъ были и гусары на лошадяхъ, что проходили чрезъ наше мѣстечко, и лавочникъ Ицко въ ермолкѣ и пейсахъ, и отцовскій револьверъ, всегда казавшійся мнѣ чѣмъ-то недосягаемымъ, страшнымъ. Я сильно надавливалъ перо и выходили жирныя, густыя линіи. Какъ черные ручейки, блестѣли онѣ въ лучахъ лѣтняго солнца. Иногда на бумагу садились мухи, и я старался прон-

зать ихъ перомъ. Дѣти не вѣдаютъ жалости. Осторожныя мухи улетали прочь, и долго это мнѣ не удавалось. Наконецъ, удалось. Одно довѣрчивое насѣкомое затрепетало на остромъ стальномъ кончикѣ. Но счастье мое было очень кратковременно. Я не замѣтилъ, какъ тихо подкрался отецъ и почувствовалъ его только за спиной. Онъ свирѣпо закусилъ губы и тяжелой, какъ свинецъ, рукой далъ мнѣ такой подзатыльникъ, что я кубаремъ полетѣлъ со стула. Изъ носа пошла кровь. Отъ боли и стыда я громко плакалъ и сквозь рыданія слышалъ отцовскую брань.

— Ахъ ты, щенокъ паршивый, шмаровозъ, предписаніе исправника мнѣ испакостилъ, негодное творенье!.. Нашелъ, гдѣ рисунки свои мазюкать! Я должòнъ бумагу исправнику назадъ отослать; что мнѣ теперь дѣлать? Да я мѣсто могу черезъ тебя потерять, Иродъ ты проклятый!..

Отецъ схватилъ меня одной ру-

кой за чубъ, а другой мазалъ по лицу бумагой съ невысохшими чернилами.

— Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ твои рисунки, пускай они у тебя засохнутъ на мордѣ! — приговаривалъ онъ при этомъ.

Въ этотъ моментъ вошла мамочка. Плачущаго, истерзаннаго, съ грязнымъ отъ крови и чернилъ лицомъ, насилу вырвала она меня изъ рукъ отца, при чемъ онъ грубо толкнулъ ее кулакомъ въ спину. Мамочка увела меня въ кухню, обмыла, утѣшала и мы вмѣстѣ плакали, крѣпко обнявшись...

Нельзя сказать, чтобы первыя впечатлѣнія моего дѣтства были особенно радужны. Такъ росъ я до восьми лѣтъ и часто доставалось мнѣ отъ отца за мою любовь къ рисованію.

IV

Мамочка была женщина очень красивая. Всѣ на нее заглядыва-

лись. Стройная, немного полная, пышногрудая, съ черными мягкими глазами и густыми косами — она сама стряпала, прибирала комнаты и смотрѣла за хозяйствомъ. Но одѣвалась всегда опрятно и чисто. Лѣтомъ носила ситцевыя платья, а зимою черное шерстяное. Грустное лицо было у мамочки. Она рѣдко смѣялась. Чуткая, нѣжная душа тяготилась грубымъ и жестокимъ отцемъ. Что связало этихъ, такъ непохожихъ другъ на друга людей — не знаю и теперь.

Нашъ домикъ подъ черепичной крышей стоялъ на краю мѣстечка. Изъ оконъ растилался привольный видъ. Серебрилась посреди зеленыхъ береговъ Десна; за нею далеко бѣжалъ ровный лугъ и Богъ знаетъ гдѣ обрамлялъ его синѣющій лѣсъ. Сидя у окна спальни, мамочка часто украдкой плакала. Тогда я только смутно догадывался о причинѣ этихъ слезъ, но теперь мнѣ ясно: плакала она о своей загубленной молодости, безъ любви,

безъ радостей, о лучшей долѣ, которая, быть можетъ, ей рисовалась яркими красками при созерцаніи бодрящаго душу простора.

Меня „опредѣлилъ“ отецъ уже въ школу, когда тусклая, унылая жизнь мамочки озарилась лучемъ теплаго свѣта, не надолго, правда. У этой тихой, забитой женщины былъ романъ и она была счастлива.

Въ Домоткановъ прибылъ на постой эскадронъ гусаръ. У насъ столовался, за деньги, конечно,— отецъ не любилъ никого кормить даромъ,—вахмистръ Богушевичъ, красивый и ловкій полякъ съ пышными висячими усами. Блестящій, элегантный, въ малиновыхъ рейтузахъ и куцой зеленой венгеркѣ. панъ Богушевичъ казался мнѣ пришельцемъ изъ какого-то веселаго нарядного царства, гдѣ только звенятъ шпорами, говорятъ забавныя вещи и пріятно усмѣхаются.

Это было зимой. Въ окресностяхъ появилась цыганская шайка конокрадовъ, и рьяный служака—отецъ

пропадалъ изъ дому по цѣлымъ недѣлямъ. Богушевичъ сидѣлъ у насъ цѣлыми днями, цѣловалъ бѣлыя руки мамочки и галантно расшаркивался, молодецки звеня шпорами. Мамочка не отнимала рукъ и стыдливо краснѣла. Панъ Богушевичъ плѣнилъ ее своей красивой и бравой внѣшностью, изяществомъ манеръ, деликатнымъ обхожденіемъ, плѣнилъ качествами, которыхъ не было у отца и которыя нравятся женщинамъ. По вечерамъ мамочка укладывала меня спать раньше обыкновеннаго, крестила и, плотно притворивъ дверь, уходила въ столовую, гдѣ, нетерпѣливо кусая пышные усы, ждалъ ее Богушевичъ.

Когда, благодаря вахмистру, отецъ жестоко меня высѣкъ и мамочка не возненавидѣла гусара, я впервые затаилъ противъ нея горькое чувство. Бѣдняжка, она крѣпко его любила!

Въ концѣ зимы Богушевичъ тайкомъ сталъ давать мнѣ заклеенные хлѣбомъ записочки то къ шинка-

рямъ, то въ лавочки. По этимъ „шпаргалкамъ“ евреи безпрекословно отпускали мнѣ водку, табакъ, мыло, чай, сахаръ, конфекты. Все это я тащилъ на квартиру къ Богушевичу, котораго любилъ за его красивость и ласковое обхожденіе со мной и съ мамочкой. Онъ не называлъ меня иначе, какъ „Ясь кохány“.

Покинулъ эскадронъ мѣстечко, вмѣстѣ съ нимъ ушелъ и вахмистръ. Вдругъ отецъ узнаетъ, что „шпаргалки“ къ лавочникамъ посылались отъ его имени. Господи, какъ онъ разсвирѣпѣлъ! Разумѣется, не въ силу какихъ-либо добродѣтельныхъ соображеній, а просто вахмистръ лишилъ отца того, что онъ считалъ своимъ по „праву“. Косвеннымъ виновникомъ этой оказіи, козломъ отпущенія, явился, конечно, я, и отецъ меня выпоролъ. Напрасно мамочка умоляла его простить меня, валялась со слезами въ ногахъ,— не помогло. Двѣ недѣли я не могъ ни сидѣть, ни стоять...

Въ школѣ я учился не охотно и скверно. Была ли сему причиной моя собственная лѣнь или насъ скверно учили,—не знаю. Зато рисовалъ я съ большимъ рвеніемъ и любовью. Учитель, забитый, низко остриженный молодой человѣкъ, съ тихимъ безуміемъ въ глазахъ, необычайно кроткій, котораго мы хотя любили, но ни капельки не уважали, находилъ у меня безспорный талантъ, Мальчишка самоувѣренный, я самъ былъ того же мнѣнія. Даже заклятый врагъ моихъ художественныхъ упражненій,—отецъ, замѣчалъ въ нѣкоторыхъ набросказъ портретное сходство.

Учитель давалъ мнѣ разрозненные номера иллюстрированныхъ журналовъ, съ которыхъ я усердно копировалъ. Особенно привлекали меня своимъ тонкимъ изяществомъ дѣтскія и женскія головки Греза. Я не могъ налюбоваться ими, а творца ихъ представлялъ себѣ почему-то высокимъ старикомъ съ бѣлой бородой до пояса. Этотъ ста-

рикъ являлся иногда мнѣ во снѣ, звалъ къ себѣ, и мнѣ казалось, что онъ живетъ въ нашемъ губернскомъ городѣ. Чего только въ голову не придетъ дикому, неразвитому хлопцу десяти лѣтъ! Никогда не покидавшій родного мѣстечка, я думалъ, будто городъ находится отъ насъ за тридевять земель, и люди тамошніе совершенно другіе, нежели въ Домоткановѣ.

Школьники наши были великіе штукари. Въ шалостяхъ да проказахъ я старался не отставать отъ нихъ. Мы воровали яблоки въ мѣщанскихъ садочкахъ и били маленькихъ еврейчиковъ, когда они толпой возвращались отъ меламеда. То, вообразивъ себя запорожцами, брали тайкомъ челны рыбаковъ, дѣлились по партіямъ и давали на Деснѣ „морское“ сраженіе, при чемъ, разумѣется, запорожцы всегда побѣждали невѣрныхъ. Но самымъ любимымъ мѣстомъ нашихъ игрищъ былъ лугъ; тамъ мы развертывались во всю.

Первымъ своимъ пріятелемъ я считалъ дьячковскаго сына Якубенка. Характеромъ мы походили другъ на друга мало, а сблизила насъ любовь къ рисованію. Якубенко рисовалъ хотя и медленнѣй меня, но его наброски не были такъ ребячески наивны, какъ мои. Сѣрые, глубоко запавшіе глаза этого некрасиваго, скуластаго мальчика пытливо и вдумчиво смотрѣли на все окружающее. Онъ былъ самолюбивъ и гордъ. Такимъ Якубенко остался и на всю жизнь. Тѣ проблески самолюбія, которые, быть можетъ, таились и въ моей душѣ, были погашены отцовскими подзатыльниками. Ничто такъ не топчетъ въ грязь человѣческое достоинство, какъ побои съ малолѣтства, наносимые даже родительскою рукою. У Якубенка была тихая созерцательная натура. Почти всегда онъ сопровождалъ насъ, но рѣдко принималъ участіе въ нашихъ забавахъ.

Боремся мы на лугу, разгоряченные, потные, а онъ взберется на

стогъ сѣна, ляжетъ, подперевъ руками голову, и смотритъ на закатъ, что разгорается все шире, ярче, долго смотритъ. Закатъ растаялъ во мракѣ надвигающейся ночи, засеребрились въ темныхъ небесахъ звѣзды. Мы валяемся подъ стогомъ, измученные, усталые, со смѣхомъ вспоминаемъ, какъ кто боролся, иные аппетитно уплетаютъ за обѣ щеки принесенный изъ дому хлѣбъ, а тамъ вверху замеръ неподвижно Якубенко, и нѣтъ ему до насъ никакого дѣла.

V.

Къ осени я все чаще и чаще вспоминалъ старика съ длинной серебряной бородой. Онъ очень добрый, сердечный и, если я приду къ нему, онъ съ радостью меня встрѣтитъ. Онъ не будетъ меня бить, научитъ рисовать такіе же красивыя головки, что я видѣлъ въ иллюстрированныхъ журналахъ. Жуткое му-

чительное желаніе бѣжать изъ родительскаго дома къ старому Грезу овладѣло мной, но я не сразу рѣшился. Чѣмъ-то страшнымъ, смутнымъ мерещилась невѣдомая дорога...

Однажды сосѣдъ-мѣщанинъ поймалъ меня въ своемъ саду, при чемъ карманы мои были полны его яблоками, и привелъ къ отцу. Отецъ вовсе не желалъ видѣть, что мнѣ стыдно, что, весь красный, я захлебываюсь отъ рыданій, и высѣкъ меня. Я ушелъ въ себя, закаменѣлъ и только думалъ о мести. Бѣжать, уйдти навсегда—пусть тогда ищетъ, мучится...

И раннимъ августовскимъ утромъ, когда отецъ и мамочка еще спали, я съ краюхою хлѣба въ карманѣ и съ твердой мыслью никогда не возвращаться — ушелъ. Дороги я не зналъ и рѣшилъ держаться берега Десны. Рѣка была оживлена, и тягостнаго одиночества, котораго такъ боялся вначалѣ, я не испытывалъ. Плыли берлины, барки, плоты. Гром-

кій говоръ рабочихъ, восклицанія, прибаутки почти не замолкали въ дышащемъ луговымъ ароматомъ воздухѣ. Попадались медленно ползущіе чрезъ рѣку паромы съ возами свѣжаго сѣна.

Около полудня захотѣлось ѣсть. Я уничтожилъ весь запасъ хлѣба и, отдохнувъ немного, медленно побрелъ дальше.

День былъ не жаркій. Бѣлыя облака гигантскими хлопьями ваты скользили по небу и заволакивали солнце. Ровный противоположный берегъ незамѣтно переходилъ въ гористый. Было много красиваго въ этихъ холмахъ, которые то подступали къ Деснѣ исполинскими раковинами и солнце заливало ихъ желтую песчаную отлогость, то круглились пышно зеленые, густо поросшіе кустарникомъ. Встрѣчались глубокіе разсѣлины, ущелья и въ нихъ росли березы, сосны, бѣлѣли сѣроватыя глыбы камней.

Подъ вечеръ я очень усталъ, почувствовалъ сильный голодъ, опу-

стился въ изнеможеніи на траву и заплакалъ. Мнѣ представилось, какъ ищетъ меня теперь мамочка, какъ она безпокоится. Сверкнула мысль вернуться. Но тотчасъ же я увидѣлъ тусклые глаза отца, его мясистый носъ, костлявыя руки, и съ трудомъ зашагалъ дальше.

Вскорѣ я набрелъ на плотовщиковъ. Сидя у костра кучкой, они ужинали. Я вытеръ слезы, постарался придать себѣ беззаботный видъ, сообщилъ, что иду въ городъ и спросилъ, сколько еще дней мнѣ остается быть въ дорогѣ. Плотовщики сначала удивленно на меня посмотрѣли, потомъ дружно расхохотались и разомъ повернули головы въ одну сторону. На горахъ горѣли купола бѣлыхъ церквей. Это былъ городъ, но не далекій губернскій, куда я стремился, а уѣздный, о которомъ я много разъ слышалъ дома. На разспросы плотовщиковъ я отвѣчалъ осторожно и сказалъ, что мнѣ надо въ этотъ городъ.

— А за какимъ же ты бѣсомъ спра-

шиваешь, сколько тебѣ дней еще идти? городъ видно отсюдова — резонно замѣтилъ одинъ бородатый мужикъ. — Ты совсѣмъ дурной хлопецъ. Какъ бувъ ты малымъ, то тебя, вѣрно, изъ-за угла хтось мѣшечкомъ прибилъ.

Я глупо улыбался и не возражалъ. Плотовщики накормили меня кашей, огурцами. Отъ нихъ я узналъ, что до губернскаго города около четырехсотъ верстъ. Моя энергія упала сразу. Только одинъ день дороги показался мнѣ необычайно утомительнымъ и тяжелымъ, а впереди предстоялъ по крайней мѣрѣ двухнедѣльный путь. Скрѣпя сердце, я рѣшилъ вернуться домой, но не побывать въ городѣ, который такими мягкими, заманчивыми контурами обрисовывался на фонѣ ясныхъ небесъ, мнѣ казалось непростительнымъ. Я разстался съ добрыми плотовщиками и двинулся дальше.

На самой крутой горѣ высился обнесенный бѣлыми каменными стѣтами старинный монастырь. Остро-

конечныя башни съ амбразурами замерли на углахъ стѣнъ, какъ часовые. Старый садъ потокомъ мощной, роскошной зелени устремлялся въ широкое ущелье обрыва, наводнялъ его до краевъ и бѣжалъ къ Деснѣ. Стройными зелеными колоннами высились надъ этимъ зеленымъ потокомъ гигантскіе тополя, и лучи предзакатнаго солнца нѣжнымъ розоватымъ пламенемъ трепетали на острыхъ верхушкахъ. Я залюбовался живописнымъ городкомъ. Такой красивой мѣстности мнѣ не приходилось видѣть. Паромщикъ за копѣйку переправилъ меня на другой берегъ. На пристани, у готоваго отчалить парохода толпились люди.

VI.

Между палубой и береговой публикой была живая связь, въ лицѣ красиваго, смуглаго мужчины лѣтъ тридцати пяти. Черные усы, острая бородка и бѣлая мягкая шляпа (по-

томъ я видѣлъ такія шляпы у крымскихъ татаръ) сообщали ему видъ бандита. Въ синей рубашкѣ безъ пояса, въ рваныхъ штанахъ и босой, онъ держалъ подъ мышкой черный узелокъ, а правой рукой энергично жестикулировалъ.

Нарядная молодая женщина, прищурившись въ лорнетъ, наблюдала съ палубы сильную, статную фигуру босяка, что вырисовывалась колоритнымъ пятномъ на скучномъ фонѣ песчанаго берега и сѣрыхъ однотонныхъ людей.

— Госпожа дама, швырните, пожалуйста, Литвинову гривенникъ,— обратился босякъ къ женщинѣ съ лорнетомъ, — пропью, откровенно говорю, пропью, но швырните...

Серебряная монета сверкнула въ воздухѣ дугой и упала къ бронзовымъ ногамъ Литвинова. Учтиво обнаживъ курчавую голову, онъ поднялъ монету. Нищія еврейки съ грудными младенцами на рукахъ позавидовали Литвинову. Имъ никто не бросалъ серебряныхъ денегъ.

Босякъ подошелъ къ одной изъ нихъ, самой оборванной, и, гримасничая, шутливо обнялъ ее.

— Видишь, голубка, всѣ знаютъ, что Литвиновъ проситъ на водку, и всѣ даютъ ему, а тебѣ на хлѣбъ надо и никто тебѣ ничего не дастъ... Госпожа дама, благодарю васъ, отъ полноты души благодарю! — и онъ еще разъ высоко поднялъ свою бѣлую шляпу.

Все это удивляло меня. Я привыкъ къ жалкимъ, слезливымъ попрошайкамъ, а Литвиновъ просилъ „милостыню“ съ какой-то непринужденной игривой галантностью. Женщина съ лорнетомъ улыбнулась и новая монета упала въ песокъ.

— Госпожа дама, я раздавленъ вашей аристократической любезностью, буквально раздавленъ. Я не могу удержаться, чтобы не выпить сейчасъ же, сію минуту, за ваше драгоцѣнное здоровье, тѣмъ болѣе, учрежденіе, называемое кабакомъ, тутъ не далече. Ура! За здоровье дамъ! Да здравствуютъ дамы! — и

Литвиновъ убѣжалъ вприпрыжку. Чрезъ минуту онъ вернулся доѣдая огурецъ.

— Мерси вамъ, госпожа дама, фундаментъ къ забвенію положенъ. Господинъ купецъ, а господинъ купецъ, швырните гривенникъ отъ щедротъ своихъ. Удача дѣла ваши да постигнетъ...

Тучный бородачъ въ картузѣ и длинномъ кафтанѣ, давно наблюдавшій босяка хитрыми, прищуренными глазами, медленно и какъ-то оскорбительно уронилъ:

— Ра-бо-тай...

Литвиновъ вскипѣлъ.

— Ахъ, ты свинья полосатая! совѣты мнѣ, толстопузая, давать вздумала! Да знаешь ли ты, какъ я работаю? Тебѣ и въ жизни, мошеннику, такъ работать не приходилось. Я десяти пудовыя бревна на этой самой спинѣ таскалъ, вотъ какъ я работалъ!

Палуба и берегъ смѣялись надъ купцомъ. Сконфуженный, онъ пробормоталъ что-то и отошелъ прочь.

*

А Литвиновъ съ торжествующимъ видомъ побѣдителя пустилъ ему вслѣдъ:

— Не любитъ купчина правды, Дубина неотесаная, презирать меня вздумалъ! Да я во сто разъ его богаче. Онъ обанкротился и нищимъ сталъ, а мое богатство всегда при мнѣ. Вы думаете это? — обратился онъ къ женщинѣ съ лорнетомъ, указывая на узелокъ и швыряя его на землю,—плевать хочу; я духомъ богатъ, богаче самого Ротшильда, вотъ въ чемъ дѣло!

Затянутая въ перчатку небольшая рука ласково бросила ему третью серебряную монету. Босякъ шаркнулъ по песку ножкой и приложилъ руку къ сердцу.

— Давненько я не собиралъ такой обильной жатвы. Госпожа дама, вы рѣдкой, благородной души человѣкъ; вы презираете деньги, какъ и я ихъ презираю... Дмитрій Осиповичъ, господинъ Михальскій, вы куда изволите ѣхать?—обратился Литвиновъ къ прилично одѣтому чело-

вѣку въ чиновничьей фуражкѣ.— Швырните мнѣ хоть пятачокъ. Видно, сегодня мой бенефисъ, надо пользоваться случаемъ...

— Будетъ, довольно, кажется, я вамъ помогалъ; хотѣлось изъ васъ человѣка сдѣлать—не удалось. Сами виноваты,—мрачно отвѣтилъ чиновникъ.

На глазахъ Литвинова выступили слезы и онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь.

— Да, сознаюсь, господинъ Михальскій, я глубоко виноватъ предъ вами, очень глубоко. Вы для меня много сдѣлали. Видите, я плачу—это слезы раскаянія. Пусть онѣ достигнутъ высокаго неба и пусть Господь Богъ разсудитъ меня. Да, я очень виноватъ передъ вами, и я каюсь, рыдаю. Я, какъ Марія Магдалина, готовъ орошать слезами ваши ноги... Но вспомните, когда я опять пришелъ къ вамъ, принесъ свое раскаяніе, вы меня оттолкнули, вы лишили меня карьеры, вотъ на вершокъ лишили!—и Литвиновъ от-

мѣтилъ вершокъ коричневымъ большимъ пальцемъ на указательномъ.

Чиновникъ укоризненно глядѣлъ черезъ очки на босяка, а тотъ стоялъ съ поникшей головой и судорожно сжималъ руки. Всѣ какъ-то смолкли. Лица были серьезны и люди со страннымъ, напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли на плачущаго Литвинова; словно, это былъ совсѣмъ другой человѣкъ. Средь воцарившейся тишины Десна ритмично плескалась о мокрый берегъ съ мягкимъ мечтательнымъ шорохомъ. Заходящее солнце всему сообщало нарядный розовый колоритъ. Даже скучная песчаная пристань и та улыбалась радостно. Простоналъ свистокъ, тягуче простоналъ. Пароходъ вздрогнулъ, встрепенулся, забурлила вода. Господинъ Михальскій подумалъ и бросилъ Литвинову пятакъ.

— Спасибо, Дмитрій Осиповичъ, отъ васъ этотъ мѣдякъ мнѣ дороже иного червонца. А все-таки вы лишили меня карьеры. Вотъ на вер-

шокъ лишили! Господи, никто не знаетъ, кѣмъ я былъ, какія должности занималъ. Я у художника Новоскольцева за близкаго человѣка жилъ, онъ мнѣ, какъ родному брату, все объяснялъ, онъ мнѣ романы Немировича-Данченки громко читалъ, и мы оба плакали. Я знаю всѣхъ художниковъ, живыхъ и умершихъ. Господи, кого я только не знаю: Вандикъ, Рубенсъ, Поль Деларошь, братья Маковскіе, Крамской... Чистякова самого Павла Петровича знаю — ученѣйшій человѣкъ, — отъ него всѣ пошли, — эти самые художники-то, да и прочихъ профессорей знаю...

Пароходъ поплылъ, будоража ярко золотистую гладь Десны. Брошенная женской ручкой въ перчаткѣ серебряная монета упала въ мокрый песокъ у самой воды. Но не спѣшилъ поднять ее Литвиновъ. Онъ простеръ впередъ руку, словно благословляя отъѣзжающихъ, и глухимъ протяжнымъ голосомъ что-то запѣлъ.

Пароходъ уплывалъ, а молодая женщина съ лорнетомъ махала платкомъ босяку, который продолжалъ свою вдохновенную напутственную импровизацію съ пророчески вытянутой рукой. Что-то оперное, поэтическое было въ живописной позѣ Литвинова.

Надолго осталось у меня отъ всей этой сцены сильное впечатлѣніе чего-то необычнаго, красиваго. Интересный сюжетъ для художника. Сколько въ немъ драмы глубокой, за душу хватающей!

Пароходъ отошелъ далеко. Литвиновъ вдругъ сразу оборвалъ свою пѣсню безъ словъ и обернулся къ публикѣ. Заплаканный и не трезвый, онъ будто постарѣлъ, обрюзгъ сразу и принялъ неинтересный будничный обликъ. Я подбѣжалъ къ нему и схватилъ его за рукавъ.

— А вы Греза, дяденька, знаете? Вѣдь, правда, онъ живетъ въ Полянскѣ?

Литвиновъ сильно защемилъ мой носъ между двумя пальцами.

— А ты, поросенокъ, откуда слышалъ про Греза? Онъ давно окачурился, годовъ сто назадъ,—понялъ?

Босякъ выпустилъ мой носъ, и вовремя. Отъ острой боли на глазахъ у меня выступили слезы. Литвиновъ выжалъ ихъ своими коричневыми пальцами. Разочарованіе было полное. Сребробородый старикъ, о которомъ я такъ мечталъ, оказался призракомъ! Полянскъ утратилъ для меня всякій интересъ.

Публика разбрелась понемногу. Послѣдними ушли нищія еврейкіі съ младенцами на рукахъ. Каждая изъ этихъ неудачницъ бросила на Литвинова прощальный взглядъ, полный откровенной, завистливой ненависти. На опустѣвшей пристани остались Литвиновъ и я.

— А ты, поросенокъ, видно не городской; я здѣсь послѣднюю лядащую дворнягу знаю, тебя же встрѣчать не имѣлъ чести.

Я разсказалъ Литвинову о себѣ подробно. Онъ выслушалъ съ блуждающей улыбкой, но запоминаемо.

— Гм... пріятныя рѣчи пріятно и слушать. У тебя такая же артистическая натура какъ и моя. Но только вотъ что я тебѣ скажу, моя желтоносая прелесть: для вольной скитальческой жизни ты еще рыломъ не вышелъ, зеленъ больно и хочешь не хочешь, а надлежитъ тебѣ вернуться подъ папенькину розгу. У тебя нѣтъ денегъ? Три копѣйки, говоришь, есть; ну, этого, братъ, мало. Вотъ тебѣ гривенникъ серебра; бери, бери, все равно пропью. Купи себѣ разнаго закусала, переночуешь со мной на монастырскихъ валахъ, а завтра — гайда спозаранку подъ родительскую розгу! Подожди меня; присядь на бревнышко; я вотъ только въ кабакъ маленько слетаю...

VII.

Къ вечеру слѣдующаго дня я прибылъ въ Домотканово и долго не рѣшался вступить подъ роди-

тельскій кровъ. Случилось, разумѣется, какъ я предполагалъ. Мое неудачное паломничество къ призрачному Грезу окончилось печально. Мамочка думала, что я утонулъ въ Деснѣ, страшно мучилась и тосковала. Мнѣ даже показалось, что въ черныхъ ея волосахъ засеребрились бѣлыя нити. Когда я увидѣлъ отца, я затрясся; губы его были свирѣпо закушены. Онъ высѣкъ меня, но не очень больно; это я приписываю усиленному ходатайству мамочки.

Послѣ моего побѣга, отецъ махнулъ на меня рукой совершенно и твердо рѣшилъ, что изъ его единственнаго сына не выйдетъ ничего путнаго. Когда начались занятія, онъ велѣлъ мнѣ надѣть свитку, привелъ въ школу и на глазахъ всѣхъ товарищей и учителя здорово выдралъ мои многострадальныя уши. Большаго позора и униженія я не испытывалъ никогда...

Потомъ мы отправились къ иконописцу Сидорову. Отецъ разсудилъ,

что въ его мастерской мои художественныя стремленія найдутъ себѣ самый лучшій выходъ и могутъ развернуться. Я былъ отданъ Сидорову на пять лѣтъ въ полное владѣніе, съ правомъ бить меня за малѣйшую провинность сколько влѣзетъ.

Сидоровъ или, какъ всѣ называли его въ мѣстечкѣ, „кацапъ“, съ виду вкрадчивый и мягкій, на самомъ дѣлѣ былъ грубое животное и съ учениками обращался прескверно. Къ сыну „врадника“ иконописецъ не позволилъ бы себѣ относиться дурно, но разъ отецъ позволилъ дѣлать со мной что угодно, онъ сталъ широко пользоваться дарованнымъ правомъ.

Обязанности мои были многочисленны и разнообразны. Я чистилъ къ обѣду картофель, ходилъ по воду, нянчилъ сидоровскихъ чадъ, растиралъ тяжелымъ камнемъ на плитѣ краски и состоялъ на побѣгушкахъ. Не проходило дня, чтобы Сидоровъ не билъ насъ по

головамъ увѣсистымъ муштабелемъ. Это длинная, оканчивающаяся шарикомъ палка, на которую художникъ опирается локтемъ во время работы. И по сей день я часто испытываю головныя боли,— навѣрное, отклики сидоровскихъ побоевъ. Я зналъ одного шуллера. котораго поколотили однажды въ клубѣ подсвѣчникомъ, и всю жизнь онъ страдалъ періодическими головными болями.

Даже въ рѣдкія свободныя минуты отецъ запретилъ мнѣ являться домой. За что, чѣмъ вызвалъ я въ немъ такую непримиримую ненависть, — рѣшительно отказываюсь понимать. Одно лишь могло явиться предположеніе, но оно тотчасъ исчезло бы у всякаго, кто увидѣлъ бы насъ рядомъ съ отцомъ... Къ сожалѣнію, я очень на него похожъ; только ростомъ значительно ниже. Такіе же тусклые глаза, съ набѣгающей по временамъ чувственной поволокой, такіе же прямые влажные волосы. Только носъ не такой,

обыкновенный плебейскій носъ безъ всякаго намека на благородство рисунка. Подобныхъ носовъ много. А у отца носъ былъ рѣдкій, феноменальный по своему безобразію.

Почти одновременно со мною поступилъ къ Сидорову и Якубенко. Но гордый хлопецъ не выдержалъ каторжной жизни и сбѣжалъ. Онъ уѣхалъ въ черниговскую губернію къ родственникамъ. Только черезъ нѣсколько лѣтъ встрѣтились мы съ нимъ въ кіевской рисовальной школѣ Мурашко.

Я въ жизни не встрѣчалъ человѣка, который бы такъ чисто и безкорыстно любилъ искусство, какъ Якубенко. Вопіющій бѣднякъ — онъ не имѣлъ буквально никакихъ средствъ учиться и жить въ Кіевѣ, гдѣ все такъ дорого. И Якубенко днемъ работалъ у маляра, расписывая стѣны, потолки, двери, корпя надъ дешовыми иконами, а вечеромъ, усталый, полуголодный, являлся въ школу. Этотъ добрый человѣкъ, съ мягкой застѣнчивой душой, былъ

неуловимъ, когда дѣло касалось искусства, и твердо шелъ къ намѣченной цѣли. Въ четыре суровыхъ года онъ умудрился скопить сто рублей и поѣхалъ въ Петербургъ. Теперь Якубенко окончилъ Академію и окончилъ однимъ изъ первыхъ.

Я всегда жгуче завидовалъ этому человѣку, завидовалъ его умѣнью гордо голодать, завидовалъ уваженію, которымъ онъ пользовался среди товарищей и, самое главное, завидовалъ его таланту. Онъ жанристъ, но и въ пейзажахъ его много поэзіи. У него всегда красивый и въ то же время реальный колоритъ,—ничего условнаго. А лѣпка? Развѣ можно не завидовать этой мощной лѣпкѣ, которая шутя дается ему нѣсколькими смѣлыми и твердыми ударами кисти?

Чѣмъ люди выше насъ, чище тѣмъ мы страстнѣе ненавидимъ ихъ, сознавая собственную дрянность. Послѣ одного эпизода, я такъ возненавидѣлъ Якубенка, что при одномъ

имени его закипалъ нехорошимъ, низкимъ чувствомъ.

VIII.

Въ тяжеломъ академическомъ періодѣ жизни моего школьнаго пріятеля выдалась особенно мрачная полоса. Добывать заказы Якубенко вообще былъ не мастеръ, а тутъ они и вовсе прекратились. Угрюмый, голодный сидѣлъ онъ въ своей каморкѣ у Смоленскаго кладбища. Даже надежды не было на что нибудь лучшее въ недалекомъ грядущемъ. Какъ вдругъ влетаетъ къ нему академистъ Кренделевъ. Хлыщъ, щеголь, бездарность—онъ умѣлъ втираться въ богатые дома и выуживать хорошіе заказы. Писалъ разныхъ бальзаковскихъ дамочекъ и молодящихся старухъ, прикрашивая ихъ немилосердно.

— Якубенко, хотите одну гене-

ральшу писать? Предложили мнѣ, да не могу — работы по горло. Триста цѣлковыхъ... хотите?

Якубенко пытливо посмотрѣлъ на Кренделева глубоко запавшими сѣрыми глазами—и согласился. На другой же день онъ стоялъ за мольбертомъ въ богатой гостинной. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него жеманно сидѣла разодѣтая и напудренная генеральша. Якубенко набрасывалъ углемъ контуръ. (Я завидую его умѣнью твердо и замѣчательно вѣрно „брать").

— Можно посмотрѣть?—полюбопытствовала генеральша. Ей не сидѣлось.

— Можно,—неохотно, сквозь зубы процѣдилъ, не поднимая головы, Якубенко.

— Мило, очень мило, но не находите-ли вы, что носъ коротокъ? Слѣдовало бы его удлиннить. Посмотрите, какой у меня носъ. Удлинните пожалуйста. И потомъ талія полна; видите, какая у меня тонкая талія.

Якубенко поднялъ голову, посмотрѣлъ на вздернутый носъ генеральши, скользнулъ глазами по ея расплывшейся фигурѣ, положилъ уголь и молвилъ спокойно:

— Можетъ быть, и ваша правда. Поищите, пожалуйста, другого художника, который потрафилъ бы вашему вкусу, а я привыкъ изображать то, что вижу...

И съ этими словами онъ ушелъ.

Такъ поступить, я понимаю могъ бы модный портретистъ, капризный, избалованный. Впрочемъ, нѣтъ, модный портретистъ врядъ ли сдѣлалъ бы что-нибудь подобное. Онъ успокоилъ бы генеральшу парой деликатныхъ фразъ, польстилъ бы ей на словахъ, на холстѣ, и послѣ трехъ четырехъ сеансовъ радужныя были бы въ его карманѣ. А я, развѣ я упустилъ бы подобный заказъ? Ни за что!

Но Якубенко, этотъ бѣднякъ, этотъ нищій не смогъ вынести вмѣшательства невѣжественной дамы, которое въ глазахъ его явилось свято-

татственнымъ поруганіемъ искусства. И онъ гордо вернулся въ свою каморку голодать, когда стоило только протянуть руку и триста рублей обезпечили бы его на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ этомъ поступкѣ Якубенка, я усмотрѣлъ столько духовной красоты, столько величія, что не могъ не возненавидѣть его.

Однако, опять уклоняюсь въ сторону...

Будь жизнь Якубенка интереснѣй моей, я, вопреки обыкновенію, скромно отошелъ бы въ тѣнь и повелъ бы разсказъ о моемъ школьномъ другѣ. Но Якубенко — человѣкъ вполнѣ безупречный, добродѣтельный, а добродѣтель почти всегда скучна. Порокъ гораздо ярче. Даже у лучшихъ художниковъ слòва положительныя фигуры всегда много блѣднѣе отрицательныхъ. Я человѣкъ порочный, жизнь моя текла не совсѣмъ банально, и нѣкоторые эпизоды ея, смѣю думать, будутъ не безъинтересны.

Отецъ отличался послѣдовательностью. Онъ запретилъ мнѣ приходить домой и самъ не навѣщалъ меня никогда. Мамочка, которую этотъ сильный характеромъ человѣкъ поработилъ окончательно, являлась ко мнѣ украдкой. Придетъ, глянетъ на своего сына худого, изнуреннаго, въ рваной, испачканной красками одеженкѣ, прижмется ко мнѣ и тихо, горько заплачетъ.

Я примирился бы пожалуй съ безотрадной жизнью у Сидорова, допусти онъ меня писать образа. Но „кацапъ" такъ упорно держалъ меня на черной работѣ, что я утратилъ всякую надежду и даже не помышлялъ о кисти. Я томился, изнывалъ и безсильно рвался къ любимому дѣлу. Только на четвертый годъ моего пребыванія въ „мастерской", онъ позволилъ мнѣ подмалевывать фоны. И писать этотъ скучный мертвенно-синеватый фонъ было для меня наслажденіемъ, праздникомъ. А внутри себя я сознавалъ, что могъ бы писать „бо-

говъ“ нисколько не хуже Сидорова, раздобрѣвшаго человѣка съ узкими заплывшими глазками. Когда мнѣ становилось особенно больно, я начиналъ помышлять о бѣгствѣ. Но дальше мечтаній у меня не шло. Куда я убѣгу, хилый, слабый, безвольный! И тогда уже начиналъ я завидовать Якубенку, его крѣпкому духу, для котораго препятствій не существовало.

Но тутъ въ жизни моей внезапно произошелъ рѣзкій поворотъ къ лучшему. Свершилось радостное событіе.

IX.

Человѣка, суровая воля котораго злымъ кошмаромъ висѣла надо мной пятнадцать лѣтъ, въ одинъ скверный сентябрьскій день не стало. Конокрады застрѣлили отца, когда онъ одинъ храбро преслѣдовалъ въ лѣсу цѣлую шайку.

Хоронили его съ рѣдкой для До-

мотканова пышностью. За гробомъ, подъ руку съ мамочкой, шелъ самъ исправникъ. Урядникъ въ глазахъ его былъ жалкій червь, но этотъ червь трагически погибъ при исполненіи служебныхъ обязанностей и слѣдовало почтить его память.

— Бѣдный Мартынъ, теперь онъ еще больше походитъ на мумію Рамзеса II, — утѣшалъ мамочку остроумный исправникъ.

Нечего говорить, что мы съ мамочкой вздохнули свободнѣе. Только теперь, въ тридцать пять лѣтъ, превратилась она изъ рабы въ самостоятельнаго человѣка. Она даже помолодѣла, словно. Я тотчасъ же покинулъ ненавистнаго Сидорова и водворился дома. Послѣ отца осталось около трехъ тысячъ денегъ. Мамочкѣ назначили десять рублей въ мѣсяцъ пенсіи, и, сравнительно, мы были обезпечены. Прошло около мѣсяца. Я хотя и любилъ мамочку, но скучалъ и просилъ отпустить меня въ городъ, куда назначили въ гимназію новаго учителя рисованія,

человѣка добраго и горячо преданнаго своему дѣлу. Я лелѣялъ тайную мысль, что онъ возьмется руководить мною.

Степанъ Степановичъ Вроцкій даже въ громадной толпѣ сразу бросался въ глаза. Высокій, крѣпко сложенный, съ красивой головой въ длинныхъ пепельныхъ сѣдыхъ волосахъ и мягкой широкополой шляпѣ, Вроцкій, вовсе не заботясь объ этомъ, всей своей типичной фигурой заявлялъ, что онъ художникъ. Особенно рѣзко выдѣлялся онъ среди гимназическаго начальства, невзрачныхъ сѣренькихъ людей въ министерскихъ фуражкахъ и очкахъ, съ невыразительными чиновничьими лицами.

И такого рѣдкаго обаятельнаго человѣка жена бросила ради интендантской крысы. Я допускаю, что мою Катю банковскій служащій плѣнилъ превосходно сложеннымъ торсомъ, яркими галстуками, но чѣмъ могъ плѣнить жену Вроцкаго невзрачный интендантъ—рѣшительно

не понимаю. Вообще, трудно постигнуть женщину, а ждать отъ нея чего-нибудь послѣдовательнаго, логическаго еще труднѣе.

Люди, вродѣ Вроцкаго, рѣдко встрѣчаются на тускломъ, ничтожномъ фонѣ нашей глухой провинціи. И тѣмъ ярче, замѣтнѣй они.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ Степанъ Степановичъ окончилъ академію съ золотой медалью, и хотя ректоромъ тогда былъ Ѳедоръ Антоновичъ Бруни, хотя академія дышала и жила классическими традиціями, Вроцкій вышелъ изъ нея съ полнымъ отвращеніемъ ко всему манерному, условному, приторно зализанному. Онъ предпочиталъ безхитростные пейзажи, реальные сюжеты обыденной жизни и писалъ широкой, эскизной подчасъ умышленно-небрежной манерой, которая привела бы въ ужасъ такихъ строгихъ ревнителей классической живописи, какъ Шамшинъ, Марковъ и компанія.

Надвинулись шестидесятые годы...

Бурная волна общественной жизни подхватила и увлекающагося Вроцкаго. Онъ забросилъ кисть, сошелся съ литературно-либеральными кружками и рисовалъ въ покойной „Искрѣ“ злыя, сатирическія карикатуры гражданскаго характера. Но когда либеральная горячка начала остывать, пылкія рѣчи Вроцкаго и длинные волосы, давно не нравившіеся кое-гдѣ, содѣйствовали тому, что его сослали въ одну изъ сѣверныхъ губерній. Тамъ онъ женился. Срокъ административной ссылки кончился и художникъ вернулся въ Россію съ нѣсколькими папками интересныхъ этюдовъ, набросковъ и безъ всякихъ средствъ. Ему удалось получить въ гимназіи мѣсто учителя висованія. Но онъ вѣчно фрондировалъ съ директоромъ, вступался за обиженныхъ учениковъ и былъ нетерпимъ начальствомъ. Его перевели въ другой городъ, похуже. Но это нисколько не повліяло на его протестантскую душу. Повторилась та же исторія. Его перевели въ

третье мѣсто, гдѣ жалованья платили вдвое меньше прежняго. Попечитель думалъ, что ударивъ Вроцкаго по карману сдѣлаетъ его благоразумнѣе, но попечитель ошибся. Въ нѣсколько лѣтъ Степанъ Степановичъ перемѣнилъ пять мѣстъ. И вездѣ ученики боготворили его. Нашъ городъ былъ шестымъ. Частые переѣзды разоряли Вроцкаго. Онъ залѣзъ въ долги.

X.

Вроцкій занималъ у мирового судьи двѣ комнаты, маленькую и большую. Первая служила спальней, кабинетомъ и библіотекой, вторая мастерской и столовой. Когда Степанъ Степановичъ показалъ мнѣ свои картипы, я весь проникся какимъ-то благоговѣйнымъ чувствомъ. Это были первыя настоящія произведенія искусства, которыя мнѣ пришлось увидѣть.

Экзаменъ мой заключался въ томъ, что я долженъ былъ нарисовать французскимъ карандашемъ пастушеское убранство: съ лавки небрежно сползла сѣрая свитка, а на нее были брошены войлочная шапка, магерка, суковатая палка и лыковый кошель. Вроцкій пришелъ въ восторгъ отъ рисунка, цѣловалъ меня, называлъ талантливымъ самородкомъ и говорилъ, что если я буду работать, учиться, изъ меня выйдетъ толкъ.

— Сначала въ школу, а потомъ въ академію. Только избѣгайте, голубчикъ, двухъ вещей: иконъ и гипсовыхъ фигуръ. Васнецовымъ сдѣлаться трудно, а богомазомъ— не стоитъ.

Степанъ Степановичъ находилъ, что какъ писаніе иконъ, такъ и рисованіе съ гипса прививаютъ художнику условную манеру, отъ которой потомъ трудно отдѣлаться.

— Вотъ Брюлловъ великій былъ мастеръ, а всѣ его живыя фигуры напоминаютъ статуи. А почему?

Слишкомъ ужъ придерживался онъ гипсовыхъ Венеръ и Апполоновъ.

Особенно сѣтовалъ Вроцкій, что нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ у Сидорова, утекли для меня совершенно безплодно. По мнѣнію Степана Степановича, въ школу поступать мнѣ было еще рано и слѣдовало поработать съ годъ подъ его руководствомъ.

Мамочка продала нашъ домоткановскій домикъ, и мы наняли квартиру въ городѣ. Вроцкій привязался ко мнѣ, Я былъ тѣнью Степана Степановича и жадно ловилъ каждое его слово. Я изучилъ его лицо, его привычки. Если онъ быстро шагалъ по мастерской изъ угла въ уголъ, заложивъ руки въ карманы потертаго, бархатнаго пиджака и упрямо насвистывалъ, — это былъ вѣрный признакъ, что у него безденежье. Возвращался онъ изъ гимназіи съ густо пылающимъ лицомъ— и я догадывался, что Степанъ Степановичъ имѣлъ непріятное объясненіе съ директоромъ. Сіяющій

видъ Вроцкаго говорилъ о радостномъ настроеніи, въ которое его привелъ какой-нибудь даровитый, многообѣщающій ученикъ.

При своемъ среднемъ, но безспорномъ талантѣ Вроцкій могъ бы смѣло жить одной лишь кистью, но его вѣчно грызла неудовлетворенность. Въ глубинѣ души копошилась мысль, что онъ бездарность, ничтожество, и Вроцкій мучился, терзался этимъ. Одинъ сюжетъ онъ продумывалъ въ десяткахъ эскизовъ, писалъ наконецъ, картину, рязочаровывался въ ней и бросалъ работу почти при самомъ концѣ. Этотъ человѣкъ настойчиво требовалъ отъ своего таланта большаго, чѣмъ тотъ могъ дать. И въ тоже время онъ считалъ безнравственнымъ превратиться въ ремесленника и торговать посредственными картинами. Ему хотѣлось живого общенія съ молодежью, которую онъ такъ горячо любилъ. Что-то общее съ Якубенкомъ было у Вроцкаго. Этимъ сравненіемъ я не хочу обидѣть дорогого Степана

Степановича. Далеко куцому до зайца! Человѣкъ шестидесятыхъ годовъ во стократъ превосходитъ моего, признаться, недалекаго школьнаго пріятеля и умомъ, и образованіемъ, и шириной захвата.

Лѣтомъ Вроцкій часто бродилъ по живописнымъ окрестностямъ города, отыскивая интересные уголки для этюдовъ. Носить за нимъ легкій походный мольбертъ и ящикъ съ красками доставляло мнѣ одно наслажденіе. И цѣлыми часами, не шелохнувшись, слѣдилъ я за мудрымъ процессомъ работы, какъ на маленькомъ холстѣ какими-то волшебными, непонятными силами постепенно обозначался пейзажъ, запечатлѣвалось мгновеніе странной жизни какого нибудь поросшаго рябиной ущелья.

Вроцкій не любилъ видѣть меня празднымъ и велѣлъ одновременно съ нимъ рисовать карандашемъ. Въ концѣ лѣта онъ нашелъ, что я могу перейти къ краскамъ, а въ началѣ октября благословилъ меня ѣхать

въ училище. Предстоящая разлука далеко не улыбалась мамочкѣ, но она и не думала уговаривать меня остаться. Это было бы безполезно. Я спалъ и видѣлъ большой нарядный городъ и сгоралъ желаніемъ скорѣе туда попасть.

При помощи двухъ швеекъ, мамочка наготовила мнѣ бѣлья; мѣстный портной одѣлъ меня въ пиджачную пару крѣпкаго чернаго сукна, теплое драповое пальто—и я былъ готовъ къ отлету.

XI.

Мнѣ ясно памятны день и самый моментъ отъѣзда. Наканунѣ вечеромъ я ходилъ къ Вроцкому проститься. Онъ много говорилъ, надавалъ мнѣ совѣтовъ, рекомендательныхъ писемъ, и подъ конецъ мы оба прослезились.

Недѣли двѣ назадъ, я могъ ѣхать въ Кіевъ на пароходѣ. Теперь же навигація прекратилась и путь мой

былъ болѣе трудный. До желѣзнодорожной станціи надлежало сдѣлать восемьдесятъ утомительныхъ верстъ на лошадяхъ. Балагула съ пассажирами отходила изъ города въ восемь часовъ утра. Литвиновъ, который за послѣдніе годы какъ-то опустился, потухъ и утратилъ опереточный колоритъ философствующаго босяка, за пятачекъ протащилъ на плечахъ, съ пьянымъ кряхтѣніемъ, увѣсистый сундукъ мой до постоялаго двора, гдѣ останавливались балагулы.

Дулъ и гналъ по небу сѣрыя, точно живыя облака,—сухой холодный вѣтеръ. Мы шли съ мамочкой къ постоялому двору и несли по узелку съ провизіей. Я былъ счастливъ, но стыдился обнаружить это предъ мамочкой; она всю дорогу плакала и не вытирала слезъ—ихъ сушилъ вѣтеръ.

Длинная балагула съ заплатаннымъ парусиннымъ верхомъ, изъ-подъ котораго, словно ребра костляваго безголоваго животнаго, вы-

пирали обручи, была биткомъ набита пассажирами. Для меня едва нашлось мѣсто. У колеса съ тоскливымъ скрипѣніемъ покачивалось заржавленное жестяное ведро.

Сундукъ привязали веревками сзади балагулы, и мамочка опасалась, какъ бы его въ дорогѣ не срѣзали воры. Я съ трудомъ забрался въ балагулу и сразу очутился въ обществѣ евреекъ, подушекъ, кудахтавшихъ въ мѣшкахъ куръ и двухъ мужиковъ съ люльками въ зубахъ, успѣвшихъ отравить воздухъ крѣпкимъ запахомъ махорки. Въ аркообразное отверстіе балагулы мнѣ плохо было видно мамочку, а, сплюснутый со всѣхъ сторонъ, привстать я не могъ.

— Гляди, сыну, напиши сейчасъ же, какъ доѣдешь,—было ея послѣдней фразой. Кажется, она перекрестила меня, еще что-то сказала, но я не разслышалъ. Одноглазый возница-еврей, чмокая, ударилъ веревочными вожжами по худымъ спинамъ четырехъ клячъ, и

мы двинулись въ путь. Тряская балагула скрипѣла, визжала, подпрыгивала. Я косился на сосѣдокъ и думалъ, что было бы гораздо удобнѣе ѣхать отдѣльной подводой. Правда, это удовольствіе обошлось бы вдесятеро дороже, зато удобства. Вообще, послѣднее время со смерти отца, когда мамочка могла безпрепятственно баловать единственнаго сынка своего, я сталъ замѣтно тяготѣть къ нѣкоторому комфорту. Я, который трепеталъ передъ отцомъ какъ осиновый листъ, часъ отъ часу дѣлался по отношенію къ мамочкѣ грубымъ, дерзкимъ. Я капризничалъ и съ брезгливой миной отталкивалъ тарелку, если борщъ казался мнѣ невкуснымъ, и чѣмъ покладистѣе была уступчивая, кроткая мамочка, тѣмъ я становился требовательнѣе, наглѣе. Съ положеніемъ балованнаго мальчишки, въ которомъ души не чаятъ, я освоился очень быстро.

Упоенный похвалами Вроцкаго моему таланту, я возомнилъ себя

какимъ-то высшимъ существомъ и былъ непоколебимо увѣренъ, что угожденіе всѣмъ моимъ прихотямъ мамочка должна почитать за счастье. Она обѣщала высылать мнѣ по двадцати рублей въ мѣсяцъ. Я зналъ, что это будетъ ей тяжело, но не протестовалъ. Зачѣмъ деньги безвѣстной вдовѣ какого-то урядника, котораго исправникъ мало что по зубамъ не билъ? Другое дѣло я. Мнѣ нужно учиться и завоевать себѣ путь къ извѣстности, къ славѣ. И если бы для того, чтобы помогать мнѣ, матери пришлось пойти въ поденщицы, она исполнила бы только свой прямой долгъ. Она обязана жить мною и моими интересами. Зато впослѣдствіи лучъ моей славы осѣнитъ и ее.

Подобные разсужденія шестнадцатилѣтняго юноши были болѣе чѣмъ эгоистичны. Но сдѣлаться альтруистомъ я и не собирался. Гуманныя чувства не входили въ программу дальнѣйшихъ плановъ

моихъ, въ мысляхъ, по крайней мѣрѣ. Своимъ поведеніемъ я не разъ потомъ показалъ, что не чуждъ былъ состраданій и жалости...

Я задыхался въ ѣдкомъ махорочномъ дыму, смотрѣлъ на мужиковъ съ люльками въ зубахъ, на евреекъ, усмирявшихъ куръ, и думалъ, какъ жалки эти ничтожные люди въ сравненіи со мной. Я мечталъ, какъ буду современемъ удивлять публику разносторонностью своего дарованія. Благодаря Вроцкому, я познакомился въ гравюрахъ, фотографіяхъ и описаніяхъ со многими большими мастерами прошлаго и настоящаго. И мнѣ казалось, что я буду писать деревенскія сценки, какъ Адріанъ Остадэ или Броуэръ, женскіе портреты съ изяществомъ Вандика, а картины изъ украинской старины не хуже Трутовскаго и Рѣпина. Особенно заманчиво рисовалось мнѣ писаніе женскихъ портретовъ. Тутъ же въ балагулѣ я изобрѣлъ себѣ псевдонимъ. Неудобно, неприлично

даже, портретъ какой-нибудь очаровательной свѣтской женщины, непремѣнно свѣтской, подписать хамской фамиліей, какъ моя. Да и какая свѣтская львица отважится повѣсить въ своемъ будуарѣ портретъ—„кисти Маразюка"?! „Крапоткинъ"—это совершенно другое дѣло!.. Я создамъ себѣ имя, заставлю о себѣ говорить. Пусть такіе идеалисты, какъ Вроцкій и Якубенко, прозябаютъ въ глуши таинственными незнакомцами. Пусть!.. Я имъ не товарищъ.

XII.

Кіевъ ошеломилъ меня, опьянилъ богатствомъ своимъ, роскошью, сверкающими золотыми вывѣсками и электрическимъ трамваемъ. Я снялъ комнату на Демеевкѣ и цѣлыми днями бродилъ по Крещатику, удивлялся многоэтажнымъ домамъ и зеркальнымъ витринамъ магазиновъ.

Встрѣтилъ Якубенко, но мы мало обрадовались другъ другу. Меня шокировала его синяя испачканная красками блуза, въ которой онъ имѣлъ мужество показываться на Крещатикъ. Въ Якубенкѣ я видѣлъ аскета, мученика искусства, себя же считалъ баловнемъ, которому все должно даваться шутя и легко. Рисовальную школу я посѣщалъ небрежно, придя къ заключенію, что истинный талантъ не нуждается ни въ какихъ школахъ. Взять хотя бы Чимабуэ—простой невѣжественный пастухъ, а какъ писалъ!

Мною овладѣла какая-то суетная самовлюбленность. Хотѣлось, чтобы меня всѣ знали, весь Кіевъ. Я втерся къ извѣстнымъ художникамъ, льстилъ имъ, выпрашивалъ у нихъ этюды, которые потомъ продавалъ, когда нехватало денегъ на мою не совсѣмъ экономную жизнь. Я отростилъ длинные волосы, ходилъ въ плисовомъ пиджачкѣ, широкополой шляпѣ à la Рубенсъ, надѣлъ галстухъ съ фантастическимъ

бантомъ и сталъ обращать на себя вниманіе. Глядясь въ зеркало, я часто рисовалъ себя и всегда немилосердно прикрашивалъ

Въ крупныхъ суммахъ, получаемыхъ извѣстными художниками за картины, таилось для меня что-то обаятельное. Не жадность одолѣвала меня, нѣтъ, а просто мнѣ нравилось молодечество, когда, проработавъ два-три дня надъ небольшой вещью, художникъ „срывалъ" нѣсколько сотъ рублей, именно „срывалъ", не бралъ скромно, а налеталъ какимъ-то побѣдоноснымъ соколомъ.

Я часто останавливался у витрины эстампнаго магазина и подолгу смотрѣлъ на бѣлые билетики у картинъ съ внушительными цифрами: 300, 400, 500 и т. д. Я весь загорался желаніемъ очутиться поскорѣе въ обществѣ этихъ „тузовъ", чтобы фланирующая публика созерцала картину Крапоткина, оцѣненную по крайней мѣрѣ цѣлковыхъ во сто. И попутно во мнѣ рожда-

лось дерзкое желаніе поглумиться надъ толпой, которая ни черта не смыслить въ живописи и которой легко втереть очки, дѣйствующимъ подобно гипнозу, внушительнымъ количествомъ карбованцевъ.

На крошечной дощечкѣ я „намазюкалъ" до наглости небрежно какой-то пейзажъ—отголосокъ Домоткановскихъ впечатлѣній—прикрѣпилъ билетъ, любовно и твердо вывелъ копьевидную палочку съ двумя нолями справа, и предложилъ картину въ магазинъ на комиссію. Купецъ насмѣшливо улыбнулся, однако поставилъ мою мазню рядомъ съ превосходной мариной Орловскаго. Я приготовился ждать, что будетъ дальше.

Прошло недѣли двѣ, а дощечка моя продолжала красоваться въ окнѣ. Я былъ близокъ къ унынію... Какъ вдругъ въ одинъ прекрасный день картинка исчезла съ витрины. Влетаю въ магазинъ. Почтенный хозяинъ встрѣтилъ меня съ подобострастіемъ, въ которомъ ничего

не было скептическаго. Мой „пейзажъ“ купилъ богатый табачный фабрикантъ.

— Значитъ, много еще дураковъ на свѣтѣ, — нахально сказалъ я купцу, пересчитывая депозитки.

Купецъ вѣжливо согласился. Изъ радужной онъ удержалъ двадцать пять рублей комиссіонныхъ. При такихъ условіяхъ трудно быть неучтивымъ. Я возлюбилъ себя еще больше. Мой кунштюкъ казался мнѣ прямо геніальнымъ.

Я снялъ на Большой Васильковковской просторную свѣтлую комнату и напечаталъ въ „Кіевлянинѣ“ объявленіе слѣдующаго содержанія: „художникъ Крапоткинъ пишетъ портреты разными манерами не дорого и быстро. Колоритъ блестящій, сходство поразительное“. Я зналъ съ кѣмъ имѣю дѣло. Не могу, однако, сказать, чтобы заказы посыпались ко мнѣ, какъ изъ рога изобилія. Явился табачный фабрикантъ, купившій мою картину, впорхнула, шурша платьемъ, знаменитая

Кіевская кокотка Любанская и... только. Фабрикантъ былъ озабоченъ чтобы хорошо вышла дорогая его визитка и совсѣмъ не вышла пріютившаяся на лбу, съ молодой орѣхъ, бородавка. Я постарался, — и чело караима выписалъ на диво гладко. Якубенко, тотъ не уступилъ бы ни за что бородавки.

А Любанская просила обратить серьезное вниманіе на рискованное декольте ея. Съ фабриканта я „сорвалъ" двѣсти карбованцевъ. Камелія заплатила мнѣ всего семьдесятъ пять. Эта нарядная, подкатившая ко мнѣ на собственномъ рысакѣ женщина, которой такъ легко доставались деньги, торговалась со мной, словно перекупка базарная.

Нѣкоторые товарищи по школѣ начали презирать меня, нѣкоторые завидовать, но какъ на тѣхъ, такъ и на другихъ, говоря высокимъ слогомъ, мнѣ было наплевать. Разъ только я почувствовалъ себя неловко, когда, пристально осматри-

вая меня глубокими, сѣрыми глазами, Якубенко замѣтилъ, что я больно рано взялся за портреты, не имѣя для этого надлежащей подготовки.

XIII.

Такъ прошло около трехъ лѣтъ. У мамочки я не былъ ни разу. Не тянуло. Да и Кіевъ мнѣ сильно полюбился; я не хотѣлъ его покидать, даже ради мамочки. Она писала мнѣ довольно часто; сынъ же не баловалъ ее отвѣтами. Я вошелъ во вкусъ легонькихъ кутежей по садамъ и ресторанамъ, разъѣзжалъ на лихачахъ. У Любанской я познакомился съ наиболѣе блестящимъ офицерствомъ и чиновниками особыхъ порученій. Но пользы отъ этихъ господъ было мало. Всѣ они только и норовили, какъ бы сдѣлать съ нихъ даромъ набросокъ.

Я упрашивалъ кокотку позиро-

вать мнѣ въ костюмѣ Евы, но она почему-то наотрѣзъ отказалась.

Двадцати рублей, аккуратно получаемыхъ каждое первое число отъ мамочки, мнѣ нехватало даже на расходы по комнатѣ. Я залѣзъ въ долги, „перехватывалъ“ у состоятельныхъ товарищей и бралъ у евреевъ подъ векселя и росписки. Сначала я и не помышлялъ объ уплатѣ, но когда кредиторы дружно обступили меня со всѣхъ сторонъ, я написалъ мамочкѣ отчаянное письмо, въ которомъ требовалъ немедленно выслать пятьсотъ рублей. Я не упустилъ случая воспользоваться пошлѣйшимъ и глупымъ пріемомъ—самоубійствомъ припугнулъ. Странное дѣло—отвѣта не послѣдовало. Я неудомѣвалъ. Ничего подобнаго съ мамочкой никогда не случалось. Вдругъ получаю изъ Домотканова анонимное письмо. Словно громомъ меня поразило. Какой-то „доброжелатель“ доводилъ до моего свѣдѣнія, что вышедшій въ отставку Богушевичъ „скру-

тилъ“ мамочку и всѣ деньги ея перешли въ распоряженіе браваго вахмистра. Я понялъ все. Мамочку захватила прежняя страсть, и теперь она сдѣлалась добровольной рабой любимаго человѣка. Женщины любятъ находится въ рабствѣ. Но мнѣ отъ этого было не легче. Я возненавидѣлъ дряблую женщину, которая ради низменнаго чувства пожертвовала чистой материнской любовью. Участь ея, разумѣется, самая печальная,—думалъ я. Богушевичъ оберетъ ее до чиста и вышвырнетъ, какъ негодную тряпку.

Такъ и случилось. Что дѣлать, сама виновата! Потомъ она служила въ кухаркахъ, писала мнѣ слезныя, покаянныя письма, умоляла простить, но я не отвѣчалъ. Зачѣмъ?

XIV.

Я казался себѣ несчастненькимъ, ограбленнымъ, нищимъ. А тутъ еще назойливыя приставанія кредито-

ровъ. Необходимо было на что-нибудь рѣшиться. И я рѣшилъ уѣхать изъ Кіева скромненько, чтобы никто не зналъ, говоря попросту,—удрать.

Поживу нѣсколько мѣсяцевъ въ одномъ городѣ, перекочую въ другой, потомъ въ третій... Мнѣ заманчиво рисовалась полная разнообразныхъ впечатлѣній, а, быть можетъ, и приключеній, жизнь странствующаго художника. Надѣясь на свою чрезмѣрную энергію, которая поможетъ мнѣ пріобрѣсти заказы, я былъ увѣренъ, что голодать не придется. Только Якубенки сидятъ безъ хлѣба. И хотя въ ихъ гордыхъ голодовкахъ есть своеобразная героическая красота,—я предпочитаю только со стороны любоваться ею.

Сборы мои не отличались продолжительностью. Въ большой чемоданъ я уложилъ кисти, краски, складной мольбертъ, трубку запаснаго холста, бѣлье и двѣ пары новаго платья, за которое портной не получилъ пока еще ни копѣйки.

Все было готово, и я занялся вопросомъ, куда ѣхать. Вопросъ этотъ я считалъ пустячнымъ, ибо мнѣ рѣшительно было все равно, куда сначала направить свои стопы. Лишь бы очутиться внѣ Кіева. Чѣмъ длинѣе путь, тѣмъ больше требуетъ онъ издержекъ. А я не могъ похвастаться количествомъ находившихся въ моемъ бумажникѣ карбованцевъ. Ближайшими пунктами, гдѣ можно было разсчитывать на портретные заказы, были Черниговъ и нашъ губернскій городъ — Полянскъ. Я подумалъ и остановился на „своей губерніи".

Не скажу, чтобы мое прощаніе съ квартирной хозяйкой отличалось особенной трогательностью. Съ точки зрѣнія этой почтенной дамы, ей слѣдовало дополучить съ меня нѣсколько рублей. Я же находилъ, что не долженъ ей ломанаго гроша. Ночью я былъ на вокзалѣ, при чемъ въ снующей по дебаркадеру публикѣ мнѣ чудились мои кредиторы.

А на другой день вечеромъ извозчичій фаэтонъ везъ меня со станціи въ губернскій городъ.

Въ небесахъ загорались звѣзды. Сгущался теплый лѣтній сумракъ. Фаэтонъ, дребезжа, катился по мощенымъ широкимъ и пустыннымъ улицамъ. Съ любопытствомъ засматривалъ я въ освѣщенныя окна обывательскихъ домовъ. Почти всюду подъ традиціонной висячей лампой свершалось семейное чаепитіе. Иногда мелькалъ граціозный женскій силуэтъ, хорошенькій профиль, и отъ этихъ невѣдомыхъ людей вѣяло на меня чѣмъ-то новымъ. Почти всегда такъ бываетъ, а потомъ присмотришься къ людямъ поближе, узнаешь ихъ покороче, и окажутся они, если и не подлѣе тебя самого, то во всякомъ случаѣ банальнѣе.

Я остановился въ лучшей гостиницѣ „Россія“. За послѣдніе годы въ нашихъ второстепенныхъ губернскихъ городахъ бываетъ по крайней мѣрѣ хоть одна чистая,

хорошо содержимая гостиница—съ удобствами и безъ клоповъ. Къ таковымъ принадлежала и „Россія“.

Утромъ я отправился въ редакцію „Губернскихъ Вѣдомостей“, познакомился съ редакторомъ, сказалъ, будто у него чрезвычайно интересная голова для живописца по колориту и по рисунку (на самомъ дѣлѣ это была пошлѣйшая морда канцелярской крысы) и просилъ замолвить обо мнѣ словечко въ газетѣ, при чемъ прозрачно намекнулъ, что увѣковѣчу на холстѣ его физіономію.

Въ слѣдующемъ же „нумерѣ“ „Губернскихъ Вѣдомостей“ появилась суконнымъ языкомъ написанная замѣтка приблизительно такого содержанія:

„Хорошихъ художниковъ у насъ на Руси очень немного и живутъ они преимущественно въ столицахъ да въ большихъ центрахъ. Аборигены провинціи лишены возможности имѣть свои нарисованные крас-

кой портреты, и поэтому талантливый заѣзжій художникъ является сущимъ кладомъ. Такимъ кладомъ явился для нашего города молодой даровитый портретистъ Иванъ Мартыновичъ Маразюкъ-Крапоткинъ". Въ заключеніе редакторъ ни къ селу, ни къ городу посѣтовалъ на паденіе крѣпостного права, заявляя, что дореформенная Русь дала не мало талантливыхъ изъ крестьянскаго сословія самородковъ въ области живописи. Статейка эта ничего не прибавила къ литературнымъ лаврамъ редактора, зато мнѣ принесла несомнѣнную пользу.

Около полудня, когда я въ ночной сорочкѣ и бархатномъ пиджакѣ пилъ чай, горничная подала мнѣ внушительную карточку, на которой стояло: „Князь Юрій Николаевичъ Земблатовъ, Камеръ-Юнкеръ, Чиновникъ Особыхъ Порученій при Полянскомъ Губернаторѣ".

Я засуетился, думалъ переодѣться, но неловко заставить князя ждать въ корридорѣ, и велѣлъ гор-

ничной просить. Много отрывистыхъ мыслей промелькнуло у меня въ головѣ. Моя карьера только теперь начинается. Я вспомнилъ почему-то Литвинова, плакавшагося на загубленную карьеру свою... Ко мнѣ, двадцатилѣтнему юношѣ, безъ образованія, воспитанія, сыну урядника, являются съ визитами князья, камеръ-юнкера, аристократы. А почему? Потому что у меня талантъ, который все уравниваетъ. Даровитому человѣку толпа проститъ самое позорное, по ея взглядамъ, происхожденіе и возвеличитъ его. Какъ чистокровный плебей безъ достаточнаго самолюбія, я благоговѣлъ предъ всѣмъ породистымъ, аристократическимъ, завидовалъ и въ глубинѣ души мучительно ненавидѣлъ...

Выхоленный, упитанный самецъ лѣтъ тридцати, князь Зембулатовъ вошелъ, неся нѣсколько въ бокъ коротко остриженную голову съ небольшими усиками, бритымъ подбородкомъ и англійскими бачками.

Въ петлицѣ коричневой куцой жакетки алѣла роза. По бѣлому жилету колыхался на широкой шелковой тесемкѣ монокль безъ оправы. Зембулатовъ, развязно улыбаясь сочнымъ мясистымъ ртомъ, протянулъ мнѣ большую руку съ великолѣпно обточенными ногтями. Говорилъ онъ небрежно, то растягивая слова, то глотая ихъ наполовину.

— Михаилъ Игнатьевичъ, губернаторъ нашъ, поручилъ къ вамъ заѣхать. Видите-ли, онъ хотѣлъ бы заказать два портрета—свой и дочери Нины Михайловны. Кстати, позвольте взглянуть вашу работу... Жара варварская, африканскій зной.

Надушенный, лоснящійся, здоровый до отвратительнаго, князь сидѣлъ въ креслѣ, болтая ногой въ лакированной ботинкѣ и обмахиваясь шелковымъ платочкомъ. Я досталъ изъ папки нѣсколько этюдовъ и разложилъ ихъ на полу.

Князь вооружилъ глазъ монок-

лемъ, вскочилъ и началъ разсматривать этюды.

— Недурно, право недурно, есть колоритъ, есть сочность,—князь подмигнулъ безволосой бровью, при чемъ выпрыгнулъ изъ глаза монокль.

Князь Земблатовъ посидѣлъ еще минутъ пять и милостиво уронилъ, что доволенъ моими работами. Губернаторъ извѣститъ меня, когда можно будетъ приступить къ первому сеансу. На прощанье князь протянулъ мнѣ руку, только протянулъ, но не пожалъ. Такъ подаютъ руки людямъ, которыхъ втайнѣ презираютъ и считаютъ ниже себя.

XV.

Онъ ушелъ, держа голову на бокъ и помахивая сѣрымъ цилиндромъ съ черной широкой лентой. Въ номерѣ остался сладковатый запахъ духовъ. Я вспоминалъ жирныя ноги Земблатова въ обтяну-

тыхъ панталонахъ, его манеру говорить, вспоминалъ, какъ онъ полупрезрительно улыбнулся, когда я сказалъ, что беру за портретъ триста рублей, и онъ сдѣлался мнѣ ужасно противнымъ.

Чортъ побери, сколько въ немъ форсу! Добро бы еще русскій князь, Рюриковичъ, а то захудалый татарчукъ „подлѣйшего гатунку", какъ говорятъ поляки, т. е. худшаго изготовленія. И, разумѣется, этотъ откормленный самодовольный хлыщъ бываетъ запросто у губернатора и небрежно говоритъ галантныя пошлости Нинѣ Михайловнѣ, съ которой играетъ въ четыре руки. Губернаторская дочка рисовалась мнѣ почему-то очаровательной, хрупкой блондинкой въ духѣ мечтательныхъ женскихъ портретовъ Рейнольдса. Итакъ, придется писать ее и папашу. Любопытно!..

Хозяинъ гостиницы, тучный сѣдобородый старовѣръ, встрѣтившись вчера со мной въ корридорѣ, довольно грубо замѣтилъ, что пора

бы уплатить по счету, ибо я для него человѣкъ невѣдомый и могу уѣхать не разсчитавшись. За номеръ и обѣды съ меня слѣдовало около десяти рублей, которыхъ у меня, конечно, не было. Вчера я унизительно промолчалъ, но сегодня пригласилъ хозяина и рѣзко заявилъ:

— Послушайте, милѣйшій, прошу васъ больше ко мнѣ не приставать. Я разсчитаюсь съ вами, какъ только получу съ губернатора деньги за портреты. Меня губернаторъ изъ Кіева выписалъ, понимаете? А впрочемъ, если хотите, я сегодня же у него возьму деньги впередъ и скажу: содержатель „Россіи" нахально ко мнѣ пристаетъ. Такъ прямо и скажу. Угодно вамъ?— любезно предложилъ я бородачу.

Словно подмѣнили мнѣ его—такой онъ вдругъ сталъ ласковый да сахарный.

— Да что вы, помилуйте, мы завсегда рады. Не убѣжите, подождемъ. Зачѣмъ его превосходитель-

ство такими ничтожностями утруждать...

И не мудрено. Передъ Михаиломъ Игнатьевичемъ Наташкинымъ трепетала вся губернія. Это былъ легендарный губернаторъ. Теперь нѣтъ такихъ. Словно рѣдкаго звѣря жаждалъ я увидѣть этого человѣка, о которомъ такъ много слышалъ, и къ моему желанію примѣшивалось жуткое чувство. А если ему не понравится моя работа? Онъ велитъ, пожалуй, высѣчь меня? Отъ Наташкина можно было всего ожидать.

Говорили, онъ началъ свою карьеру въ становой квартирѣ. Назначили его къ намъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ съ особыми полномочіями для усмиренія еврейскихъ погромовъ. Энергичными экзекуціями Наташкинъ подавлялъ мятежъ вездѣ, гдѣ только тлѣлъ хоть малѣйшій намекъ на него. Главнымъ театромъ еврейскихъ погромовъ былъ фабричный городъ Чернолѣсье, обильно населенный

рабочимъ людомъ. Не успѣлъ еще развѣяться по вѣтру пухъ вспоротыхъ еврейскихъ перинъ, какъ въ Чернолѣсье, будто снѣгъ на голову, примчался Наташкинъ. Триста человѣкъ было посажено въ острогъ.

И каждый день, послѣ губернаторскаго обѣда, мятежниковъ поочередно пороли на площади въ присутствіи Наташкина, который, сидя верхомъ на стулѣ, курилъ папироску. Такъ продолжалось двѣ недѣли. Жены и родственники наказуемыхъ собирались толпами по городу. Надъ Чернолѣсьемъ повисъ кошмаръ новаго погрома, но уже на этотъ разъ не еврейскаго. Судебныя власти всполошились. Къ Наташкину явился прокуроръ и твердо просилъ прекратить экзекуціи. Губернаторъ высокомѣрно показалъ ему какую-то бумагу, послѣ чего сконфуженный прокуроръ стушевался. Опьяненный своей властью, Наташкинъ испытывалъ къ розгамъ странное влеченіе. Онъ высѣкъ, на-

примѣръ, богатого банкира-еврея, который нечаянно толкнулъ его въ вагонѣ перваго класса... Наташкинъ любилъ разыгрывать изъ себя Гарунъ-Аль-Рашида. Въ базарные дни онъ надѣвалъ скромкое штатское платье и, сгорбившись, ходилъ между тѣсными рядами возовъ, на которыхъ гордо сидѣли пріѣхавшіе изъ окрестныхъ селъ хохлы.

Наташкинъ прицѣнивался къ ихъ товарамъ. И если мужички запрашивали дорого или, по его мнѣнію, отвѣчали недостаточно учтиво, онъ приказывалъ городовымъ пороть ихъ туть же на площади. Иногда, остановившись у какого-нибудь простоватаго съ виду мужичка, Наташкинъ начиналъ бранить губернатора. Ничего не подозрѣвающій бѣднякъ поддакивалъ на свою же голову и только подъ розгами раскаивался въ своей чрезмѣрной довѣрчивости. Если заѣзжій студентъ не снималъ передъ губернаторомъ шапки, Наташкинъ, грубо остановивъ его, обращался „на ты“ и бра-

нился площадными словами. Михаилъ Игнатьевичъ требовалъ, чтобы, когда онъ входилъ въ клубъ, всѣ, не исключая и дамъ, вставали передъ нимъ.

Онъ считалъ себя великимъ администраторомъ. Многіе великіе люди имѣютъ странности. Завелъ себѣ одну изъ такихъ странностей Наташкинъ. Въ связи съ его жестокимъ, деспотическимъ характеромъ, странность эта была самаго невиннаго свойства. Во время ревизіи уѣздовъ, губернаторъ любилъ, чтобъ на каждой почтовой станціи его поджидалъ кипящій, непремѣнно кипящій самоваръ, изъ котораго онъ выпивалъ одинъ, а то и два стакана крѣпкаго чаю. И Боже сохрани, если онъ заставалъ погасшій самоваръ. Всѣмъ влетало тогда, начиная съ исправника и кончая станціоннымъ смотрителемъ. Зато и старались же угодить своему начальству чины полицейскаго вѣдомства! Становые, не полагаясь на усердіе ямщиковъ и чуя при-

ближеніе губернаторскаго шестерика, сами ретиво раздували самовары своими парадными лакированными сапогами. Человѣкъ консервативный до мозга костей, Наташкинъ былъ непримиримый врагъ земства. Онъ всѣми силами старался проваливать и колебать значеніе земства. Наше земство считалось однимъ изъ самыхъ передовыхъ и лучшихъ въ Россіи, но при Наташкинѣ оно захирѣло и находилось въ полной зависимости отъ губернатора.

XVI.

Я воспрянулъ духомъ. Съ легкой руки Наташкина ко мнѣ посыплются отъ губернской аристократіи заказы и я заживу припѣваючи. Единственный въ городѣ художникъ, я буду центромъ всеобщаго вниманія. Мнѣ уже начиналъ мерещиться романъ съ какой-нибудь губернской львицей. Я найму себѣ приличную квар-

тиру. Въ моей мастерской будутъ собираться гости, дамы. Настанетъ зимній сезонъ, пойдутъ балы, маскарады, спектакли,—весело будетъ. А тамъ, къ веснѣ,—въ погоню за новыми людьми, впечатлѣніями!

Спустя часа три по уходѣ князя, ко мнѣ явился курьеръ, съ выправкой стараго николаевскаго солдата, и сказалъ:

— Ихъ превосходительство велѣли быть вамъ завтра у нихъ съ красками и прочими принадлежностями для рисованья. Ровно въ десять часовъ утра велѣли...

Это „велѣли“ меня покоробило, но я сунулъ курьеру двугривенный. Мнѣ казалось, если я ему ничего не дамъ, онъ начнетъ меня презирать. Я просилъ кланяться „его превосходительству“ и передать, что пріѣду къ „нимъ“ въ указанное время.

Я помчался къ столяру, заказалъ подрамокъ, дома натянулъ холстъ, и къ утру у меня было все готово.

Когда я подъѣзжалъ къ сѣрому

одноэтажному дому съ полосатой будкой для городового, мною овладѣло волненіе. Губернаторскій домъ стоялъ „покоемъ“ посреди чисто выметеннаго двора. Чѣмъ-то чопорнымъ вѣяло отъ угрюмаго дома. Думалось, самый фактъ моего появленія на губернаторскомъ дворѣ въ скверномъ извозчичьемъ фаэтонѣ является уже нѣкоторой дерзостью. Отворилась дверь крыльца и, скрипя по деревяннымъ ступенькамъ ярко вычищенными ботинками, къ намъ, не торопясь, сошелъ молодой полный лакей во фракѣ, съ бритымъ лицомъ. Своей откормленной фигурой онъ напоминалъ мнѣ Зембулатова.

Хотя одѣтъ я былъ довольно прилично, но сначала, вмѣсто того, чтобы принять мольбертъ и подрамокъ, лакей лѣнивымъ и презрительнымъ взглядомъ осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы...

— Ихъ превосходительство уже одѣты и ожидаютъ васъ,—замѣтилъ онъ съ оттѣнкомъ укоризны, когда

я поднимался на крыльцо за его черной богатырской спиной.

Въ прохладной передней я бережно положилъ на подзеркальный столикъ ящикъ съ красками, снялъ рубенсовскую шляпу и собственноручно повѣсилъ крылатку. Глянулъ въ зеркало и ахнулъ: на мнѣ были клѣтчатыя панталоны, бархатный пиджачекъ и галстухъ съ фантастическимъ бантомъ. Развѣ мыслимо явиться въ подобномъ видѣ къ такому губернатору, какъ Наташкинъ? А межъ тѣмъ, дома я разсуждалъ совершенно иначе. Правда, сначала хотѣлъ надѣть сюртукъ, но раздумалъ. Во-первыхъ, въ этомъ банальномъ платьѣ я утратилъ бы колоритъ художника; во-вторыхъ, эксцентричный костюмъ мой сразу привлекъ бы вниманіе Нины Михайловны, которой навѣрное опротивѣли губернскіе дэнди со своими черными, похоронными парами, и въ-третьихъ, мнѣ было бы жарко писать губернатора. Но сейчасъ всѣ эти соображенія исчезли. Мысль, что грозныя очи

олимпійца увидятъ мои легкомысленныя клѣтчатыя панталоны, внушила мнѣ тотчасъ же удрать домой и переодѣться. Но было поздно. Откуда-то выросъ лакей.

— Пожалуйте-съ...

Мы прошли большой пріемный залъ, гостиную и очутились въ кабинетѣ, гдѣ къ широкой кушеткѣ стоялъ уже прислоненный подрамокъ.

Меня встрѣтилъ сухощавый, пепельно-сѣдой мужчина въ расшитомъ золотомъ мундирѣ. На груди сверкала новенькая звѣзда. Черезъ плечо алѣла лента. И фигура Наташкина, и его голова съ проборомъ посрединѣ и съ небольшой окладистой бородой не заключали въ себѣ ничего губернаторскаго. Ни крупный чиновникъ, ни баринъ—такъ какой-нибудь начальникъ отдѣленія казенной палаты.

На мой почтительный поклонъ Наташкинъ сухо кивнулъ головой и не протянулъ руки.

— Тамъ ящикъ въ передней, —

обернувшись, сказалъ я лакею. Тотъ вышелъ.

— Въ чемъ вы пожаловали сюда? — спросилъ Наташкинъ, скользнувъ неодобрительно по мнѣ большими темными глазами.

— Въ рабочемъ костюмѣ, ваше превосходительство.

— Не хорошо такъ являться къ губернатору, молодой человѣкъ. Вотъ она—либеральная профессія—сейчасъ сказывается. Ну, развѣ чиновникъ посмѣлъ бы надѣть что-нибудь подобное? Какой-то водевильный пиджачекъ. Удивляюсь, почему вы не въ бухарскомъ халатѣ?

— У меня его нѣтъ, ваше превосходительство, — вставилъ я съ наивнымъ лицомъ, и самъ испугался своей смѣлости. Минуты приниженности смѣнялись иногда у меня минутами рѣдкой наглости.

Наташкинъ нехорошо улыбнулся и хрустнулъ пальцами. Въ глазахъ его мелькнуло что-то жесткое, Видимо, онъ сейчасъ рѣшалъ вопросъ,

выгнать меня вонъ или пропустить дерзость мимо ушей.

— Триста рублей, говорилъ князь,—не будетъ ли это дорого?— спросилъ Наташкинъ и прищурился.

— Наоборотъ, это очень дешево, ваше превосходительство. Вы знаете, сколько берутъ за портреты Рѣпинъ, Крамской, Маковскій: по двѣ, по три и даже по пяти тысячъ.

— Но будетъ-ли по крайней мѣрѣ хорошій портретъ?

Я сразу увидѣлъ, что этотъ сухой чиновникъ, въ кабинетѣ котораго не было даже намека на какую-нибудь гравюру или художественную вещицу, не смыслитъ въ живописи ни бельмеса,—и рѣшилъ поглумиться надъ нимъ.

— Чудный выйдетъ портретъ, ваше превосходительство, тѣмъ болѣе, ваше лицо такъ характерно, въ глазахъ, столько желѣзной, несокрушимой силы, что-то бисмарковское. Я разными манерами пишу. Могу написать васъ въ духѣ портретовъ великаго Рембранда и его

ученика Франца-Гальса Старшаго—такими мощными мазками; могу написать нѣжно и въ то же время широко, въ духѣ Вандика, могу тщательно выписать всѣ детали вашего лица, костюма, какъ это дѣлалъ, напримѣръ, Деннеръ. Угодно, я сдѣлаю съ васъ эскизъ ровно въ два часа, съ быстротой Крамскаго.

Ошеломленный залпомъ громкихъ именъ, помпадуръ растерянно улыбался. Я здорово втеръ ему очки.

— Да, я вижу, что вы, хотя молоды, но много работали и учились. Нѣтъ, вы ужъ напишите меня мощно, въ духѣ этого Гальса-Франца, что ли. А нѣжную манеру приберегите для дочери. Намъ, администраторамъ, нѣжность не къ лицу.

Я сочувственно улыбнулся, а самъ вспомнилъ экзекуціи въ Чернолѣсьѣ. Какая ужъ тутъ нѣжность!

Лакей принесъ краски.

— Ваше превосходительство, какъ

прикажете писать васъ, съ руками или безъ рукъ?

— А вы какъ думаете?

— Я полагаю, съ руками лучше. Больше индивидуальности будетъ въ портретѣ; въ нѣкоторыхъ портретахъ Рембрандта, Вандика, Рубенса, Веласкеза по рукамъ можно судить о характерѣ людей, которыхъ изображали эти величайшіе изъ портретистовъ...

Губернаторъ уронилъ косой взглядъ на свою руку съ короткими узловатыми пальцами.

— Отлично, но куда же мнѣ ихъ дѣвать,—положить на ручки кресла или, можетъ быть такъ: мы поставимъ возлѣ кресла столикъ, я обопрусь вискомъ на руку, а локоть мой будетъ покоится на томѣ „Свода Законовъ“. Въ картинной галлереѣ Рейхъ - Топольницкаго я видѣлъ портретъ Крылова. Баснописецъ опирается такимъ образомъ локтемъ на басни Эзопа и Лафонтена.

— Лично я за то, чтобы руки вашего превосходительства покои-

лись на локотникахъ. Во-первыхъ, это не такъ утомительно для позирующаго, а во-вторыхъ, лѣпка рукъ будетъ много эффектнѣе.

Я принялся усаживать губернатора, стараясь освѣтить его возможно лучше. Но никакія перемѣщенія не могли выставить его въ выгодномъ свѣтѣ. Слишкомъ ужъ прозаическая голова была у этого человѣка. Онъ сидѣлъ неподвижно и хотя я набрасывалъ только контуръ, Наташкинъ грозно сдвинулъ брови, стараясь придать своему взгляду „что-то бисмарковское“.

— Какъ у меня взглядъ, ничего?— спросилъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Взглядъ... нерѣшительно началъ я.

— Въ гнѣвѣ я бываю страшенъ...

— Папа, можно къ тебѣ?—спросилъ женскій голосъ.

— Можно, — не измѣняя позы и суроваго выраженія глазъ, отвѣчалъ губернаторъ.

Я оглянулся. У дверей, не у тѣхъ, въ которыя я вошелъ, а у другихъ, шелохнулась портьера и на порогѣ обрисовалась фигура молодой женщины. Сверкнувъ бѣлыми ровными зубами, она привѣтливымъ кивкомъ отвѣтила на мой глубокій поклонъ и подошла къ полотну.

Нина Михайловна разсматривала почти оконченный контуръ, а я разсматривалъ ее. Вмѣсто хрупкой, мечтательной блондинки въ духѣ Рейнольдса, около меня стояла блондинка совершенно другого типа. Съ высокимъ бюстомъ и тонкой таліей, она была почти моего роста. Красивое, не совсѣмъ правильное лицо дышало чѣмъ-то надменнымъ и вмѣстѣ кокетливымъ. Съ отцомъ сходства не было ни малѣйшаго. Обладай онъ такимъ изящнымъ точенымъ носомъ, какъ у дочери, я приступилъ бы къ его портрету съ большимъ рвеніемъ. Изъ сѣрыхъ полуприщуренныхъ глазъ Нины Михайловны смотрѣла не дѣвушка, а женщина. Ей можно было дать лѣтъ

двадцать пять. Въ углахъ губъ алыхъ, но не свѣжихъ, чуточку запекшихся, и въ маленькихъ морщинкахъ у обведенныхъ синевою глазъ притаился какой-то странный жизненный опытъ. Одна рука Нины Михайловны вытянулась вдоль крутого крѣпкаго бедра, а между пальцами дымилась крохотная пахитоска; другой рукой барышня съ небрежной граціей уперлась въ бокъ, при чемъ наружу розовѣла раковиной ладонь съ длинными, тонкими пальцами. Вѣроятно, покойная мать Нины Михайловны была особа аристократическаго происхожденія. Барышня поднесла пахитоску къ запекшимся губкамъ небольшого рта, выпустила струйку дыма и сказала:

— Знаешь, папа, ты даже теперь похожъ, очень похожъ, но зачѣмъ такъ грозно, по лировски, насупливать брови? Мы всѣ знаемъ, что ты страшенъ въ гнѣвѣ, — въ послѣднихъ словахъ звучала насмѣшка, глаза и углы губъ смѣялись.

Я любовался волосами губерна-

торской дочери. Совсѣмъ цвѣтъ нѣжнаго сигарнаго пепла! Такіе теплые, спокойные тона. Вотъ ее бы написать!

— А князю можно? — спросила Нина Михайловна.

— Отчего же, пускай войдетъ.

— Князь, князь, сюда! — громко позвала барышня.

Зембулатовъ моментально выросъ на порогѣ, весь въ черномъ. Видимо, не жаловалъ Наташкинъ его коричневыхъ жакетокъ. Князь учтиво поклонился Наташкину, направился къ нему, шага за три до кресла ловко проѣхался по паркету и принялъ въ свою ладонь руку Наташкина. Вышло все это у Зембулатова очень ловко, надо отдать ему полную справедливость. Потомъ онъ такъ глянулъ въ мою сторону, словно я былъ для него сюрпризомъ и сюрпризомъ не изъ пріятныхъ, ткнулъ жирнымъ, гладко обритымъ подбородкомъ въ грудь, что означало отвѣтъ на мой поклонъ и, не подавая мнѣ руки, прошелъ мимо и

сѣлъ на кушетку. Глухо застонали пружины.

Я покраснѣлъ. Нина Михайловна замѣтила это и протянула мнѣ руку.

— Мы съ вами не успѣли познакомиться. А вы, князь, вы знакомы?

Подъ пристальнымъ, надменнымъ взглядомъ ея, крупная фигура Зембулатова отдѣлилась отъ кушетки, и со словами:—„какъ же, какъ же, имѣю удовольствіе“, — онъ протянулъ мнѣ руку. Мнѣ хотѣлось демонстративно отдернуть назадъ руку, гордо взглянуть на этого лощенаго наглеца, но... я не сдѣлалъ этого, мужества не хватило. Вотъ Якубенко, тотъ бы сдѣлалъ.

Нина Михайловна, эта чрезмѣрно самостоятельная барышня, которая куритъ пахитоски, сначала не внушила мнѣ особенныхъ симпатій, но когда она такъ мило вступилась за мое пострадавшее самолюбіе, я проникся къ ней теплымъ чувствомъ.

XVII.

„Кто много любилъ, тому много прощается“. Думаю — эту фразу Христа слѣдовало бы переиначить такъ: „кто много страдалъ, тому много прощается“,—вѣрнѣе будетъ. Полагаю, всѣ тѣ страданія, которыя я претерпѣлъ, чуть ли не съ колыбели, всѣ выпавшія на мою долю оскорбленія, крупныя и мелкія, но одинаково чувствительныя, искупятъ хоть немного мою нравственную несостоятельность. Я выстрадалъ себѣ право быть непорядочнымъ человѣкомъ.

А развѣ Земрулатовъ, этотъ титулованный бездѣльникъ, не оскорбилъ, не унизилъ меня именно въ тотъ моментъ, когда мнѣ болѣе, чѣмъ въ какое-либо другое время, хотѣлось быть равноправнымъ членомъ общества, куда я попалъ благодаря лишь своей талантливости, благодаря тому, чѣмъ природа на-

дѣляетъ немногихъ. Я затаилъ эту обиду, какъ затаивалъ сотни другихъ, разогрѣвая въ душѣ надежду при первомъ удобномъ случаѣ отомстить князю. Я отомстилъ ему. Я выгналъ изъ своей мастерской этого камеръ-юнкера въ бѣлыхъ панталонахъ, перетрусившаго, потерявшаго весь свой фатовской апломбъ. Не уйди онъ прочь по первому бѣшеному окрику, я избилъ бы его муштабелемъ, какъ бивалъ меня самого во время оно иконописецъ Сидоровъ; но объ этомъ потомъ въ свое время...

Я покончилъ съ контуромъ и губернаторъ прекратилъ сеансъ. Ему надо было куда-то ѣхать.

Въ семь сеансовъ я написалъ Михаила Игнатьевича, написалъ не дурно, но не такъ, какъ мнѣ хотѣлось вначалѣ. Портретъ былъ хорошъ по лѣпкѣ, пятнамъ, рисунку, но вышелъ онъ весь какой-то зализанный. И колоритъ подгулялъ. Мнѣ казалось профанаціей — этого закорузлаго чиновника, болѣе всего

заботившагося, чтобы хорошо вышли звѣзда и лента—писать широкими рѣпинскими мазками. Эта манера для поэтическихъ образовъ, интересной женщины, опереточнаго оборванца Литвинова, живописнаго запорожца...

Портретъ Наташкина напоминалъ икону. Да не подумаютъ святыя угодники, что я хочу оскорбить ихъ этимъ сравненіемъ. Однако я боялся, что губернатору не понравится выраженіе глазъ, куда я умышленно вложилъ много жестокаго. Но мое опасеніе было напрасно. Наташкинъ пришелъ въ восторгъ и охотно заплатилъ мнѣ триста рублей, послѣ чего моя репутація портретиста быстро и точно установилась въ городѣ.

Во время работы въ отцовскій кабинетъ навѣдывалась иногда Нина Михаїловна. Даже въ крѣпкомъ пожатіи руки ея сказывалась самостоятельная женщина. Она то простаивала подолгу за моей спиной, наблюдая „письмо“, то присажива-

лась съ книгой на кушетку. И всегда она курила маленькія пахитоски. Я не люблю курящихъ женщинъ, но къ ней это шло.

Зембулатовъ не показывался почему-то больше во время сеансовъ.

Съ губернаторомъ я быстро освоился, и несмотря на его легендарно-мрачную популярность, онъ былъ для меня самымъ обыкновеннымъ смертнымъ. Я даже пересталъ его величать послѣ каждой фразы „вашимъ превосходительствомъ“, какъ это дѣлалъ вначалѣ. Зато Нина Михайловна рисовалась мнѣ высшимъ существомъ изъ другого недосягаемаго міра. Я смущался въ ея присутствіи, краснѣлъ, и рука неувѣренно управляла кистью. Иногда, не отрывая глазъ отъ полотна, я косился въ ея сторону и видѣлъ, какъ, позабывъ о книгѣ, она пытливо смотритъ на меня, словно изучаетъ. Тогда я смущался еще болѣе, а въ груди ныла какая-то призрачная, туманная надежда...

Получивъ отъ губернатора деньги за портретъ, я тотчасъ же покинулъ „Россію“ и снялъ квартиру.

На краю города, у рѣки стоялъ большой, трехъэтажный, затѣйливой архитектуры домъ съ башенками. Принадлежалъ онъ богатому помѣщику, котораго никогда никто не видѣлъ. Несмотря на выгодное мѣстоположеніе, на чудный видъ, что открывался изъ оконъ, на громадный садъ, тянувшійся вдоль высокаго, крутого берега — солидные жильцы избѣгали почему-то жить въ этомъ домѣ. Быть можетъ, ихъ смущала игривая внѣшность дома съ башенками. Большинство квартиръ пустовало, а если и наклевывались жильцы, то все это былъ народъ ненадежный, въ родѣ циркачей и актеровъ, которые занимали скопомъ почти весь домъ по нѣскольку мѣсяцевъ и улетучивались, не заплативъ ни копѣйки.

Я занялъ небольшую квартирку въ третьемъ этажѣ изъ двухъ комнатъ съ кухней. Свѣтлую какъ фо-

нарикъ, шестигранную башенку, я обратилъ въ мастерскую. Три окна выходили на югъ, и я рѣшилъ во время работы наглухо ихъ завѣшивать. Цѣну управляющій спросилъ ничтожную — шесть рублей въ мѣсяцъ. Я обзавелся необходимой мебелью, для услугъ нанялъ мальчика и зажилъ относительно собственнымъ угломъ. Обѣдалъ въ старинной гостиницѣ „Константинополь", гдѣ проѣздомъ въ Черниговъ останавливались Пушкинъ и Шевченко. Отъ квартиры своей я былъ положительно въ восторгѣ; за одинъ видъ изъ мастерской можно было отдать многое. Внизу, у ногъ зыблилась широкая гладь рѣки, а за ней просторъ, безпредѣльный, могучій. На гигантскомъ зеленомъ коврѣ луга, словно разсыпанные осколки исполинскаго зеркала, сверкали въ солнечныхъ лучахъ крохотныя озерки. Дальше блѣдно-матовымъ золотомъ желтѣли песчаные бугры, на челѣ которыхъ рѣзкимъ и вмѣстѣ мягкимъ, пріятнымъ пятномъ вы-

рисовывался средь яснаго воздуха сосновый перелѣсокъ. А тамъ, далеко-далеко убѣгали къ горизонту нивы, чтобы встрѣтиться, наконецъ, съ ясными небесами въ братскомъ объятіи. И весь этотъ гармонично ласкающій просторъ, будто подковой, окаймлялся рѣкой. Правый берегъ, то покрытый дѣвственнымъ березнякомъ, то блѣдный, мѣловой, то глинистый — крутыми и пологими скатами уходилъ прочь, теряя упругость очертаній.

XVIII.

Въ ожиданіи заказчиковъ, я постарался, насколько могъ, украсить свою мастерскую. Дешевое малиновое сукно, во весь полъ — вмѣсто ковра. По стѣнамъ развѣсилъ этюды. У потолка колыхался на цѣпочкѣ китайскій фонарикъ. Матовую поверхность его я въ одинъ вечеръ расписалъ довольно искусно женскими фигурами.

Я вѣчно думалъ о Нинѣ Михайловнѣ, сгоралъ желаніемъ скорѣе писать ее, проводить въ присутствіи этой странной дѣвушки цѣлые часы, упиваться созерцаніемъ ея чертъ, фигуры. Но пока не предвидѣлось къ тому никакой надежды. Ни она, ни отецъ не обмолвились даже словомъ о ея портретѣ. Я скучалъ дома, томился и меня невыразимо тянуло въ хмурый губернаторскій домъ, по окончаніи наташкинскаго портрета сдѣлавшійся для меня такимъ же недоступнымъ, какъ и до этого. Я не могъ, не смѣлъ пойти къ ней, и съ очевидной горечью думалъ, что одного средняго дарованія мало для разрушенія общественныхъ перегородокъ. Надо быть большимъ талантомъ, чуть ли ни геніемъ. Цѣлые дни я пребывалъ въ мрачномъ, тяжеломъ состояніи. Боже, какъ чудовищно завидовалъ я князю Зембулатову! Мысленно я возвеличивалъ Нину въ недосягаемую богиню и уничижалъ себя съ наслажденіемъ. Безумно хотѣлось припасть къ ея

ногамъ, цѣловать подолъ ея платья, цѣловать слѣды ея туфелекъ. Иногда эти лихорадочныя вожделѣнія смѣнялись другими... Загоралось жгучее желаніе унизить, оскорбить эту аристократку...

Даже появленіе въ мастерской графа Рейхъ-Топольницкаго, тайнаго совѣтника, камергера и чуть ли не перваго аристократа губерніи, въ сравненіи съ которымъ, Наташкинъ былъ только выслужившійся хамъ,—обрадовало меня мало. Губернскій предводитель былъ глубокій, но бодрый старикъ средняго роста, съ тихой пріятной рѣчью, маленькими умными глазами и бритымъ выразительнымъ ртомъ. На свѣжихъ, далеко не старческихъ щекахъ серебрились небольшія густыя баки. Внѣшностью онъ напоминалъ сановника пятидесятыхъ годовъ. Манеры его отличались какой-то мягкой, подкупающей плавностью. Оффиціально онъ былъ съ губернаторомъ въ хорошихъ отношеніяхъ, но презиралъ его и за низкую породу, и за „бур-

бонизмъ", и за неодолимое тяготѣніе къ розгамъ.

Предводитель пріѣхалъ въ каретѣ, обласкалъ меня, очаровалъ своимъ обхожденіемъ, внимательно пересмотрѣлъ, при помощи двухъ pince nez, всѣ этюды и сказалъ, что есть дарованіе, но отсутствуетъ школа. Онъ пригласилъ меня къ себѣ, обѣщалъ показать картинную галлерею и намекнулъ, что закажетъ свой портретъ. Сдѣлалъ онъ это, очевидно, изъ одного лишь желанія дать мнѣ заработать.

XIX.

Какъ-то утромъ губернаторскій лакей принесъ мнѣ письмо. Я вскрылъ элегантный продолговатый конвертъ и прочелъ:

„Маленькимъ кружкомъ мы хотимъ покататься на лодкѣ въ лѣсу, будемъ пить чай. Если желаете, приходите въ семь часовъ къ пароходной пристани".

Нина Наташкина.

Головокружительный восторгъ овладѣлъ мною. Я далъ лакею три рубля на чай, и этотъ бритый холуй въ первый разъ взглянулъ на меня безъ обычнаго презрѣнія.

Наконецъ-то, наконецъ! Я долго обдумывалъ свой костюмъ, рѣшилъ,—чѣмъ проще, тѣмъ лучше, и надѣлъ синюю рубаху-косоворотку.

Солнце было низко, не жгло, а ласково грѣло, когда я подходилъ къ пристани. Пестрая группа изъ нѣсколькихъ человѣкъ стояла у большой лодки, на днѣ которой блѣстѣлъ ярко вычищенный самоваръ. Свѣтлымъ пятномъ выдѣлялся Зембулатовъ въ бѣломъ фланелевомъ костюмѣ и круглой соломенной шляпѣ. Мое приближеніе заставило его вооружиться моноклемъ. Не обращая на князя никакого вниманія, я рѣшительно подошелъ къ Нинѣ Михайловнѣ и первый протянулъ ей руку. Казалось, сквозь тонкую перчатку я ощущалъ теплоту ея розоватой ладони. Въ лѣвой рукѣ она держала дорогой хлыстъ. На ней

было простое, прекрасно спитое свѣтлое платье, словно приросшее къ ея стройной фигурѣ.

Съ княземъ я поздоровался холодно. Нина Михайловна представила меня остальнымъ немногимъ спутникамъ: хорошенькой женѣ управляющаго акцизными сборами, некрасивой старой дѣвѣ, дочери предсѣдателя окружного суда, и уѣздному предводителю — Златковскому, невзрачному молодому блондину. Сухопарая дѣвица лѣтъ тридцати, чопорная, видимо помѣшанная на хорошемъ тонѣ, кисло щурилась на мою синюю рубаху. Не будь я художникъ и не отрекомендуй меня Нина Михайловна самымъ лестнымъ образомъ, мнѣ, пожалуй, пришлось бы жутко среди этихъ незнакомыхъ людей, для которыхъ я чуть-ли не проходимцемъ являлся. Но *она* здѣсь и мнѣ нечего смущаться.

Она властвовала надъ маленькимъ экипажемъ готовой къ отплытію лодки, — и экипажъ повиновал-

ся,—не губернаторской дочери, нѣтъ, а обаятельной дѣвушкѣ съ крѣпкой, подчиняющей волей.

Мы стали усаживаться. Я очутился почему-то рядомъ съ княземъ. Противъ насъ сидѣли Нина Михайловна и жена управляющаго акцизными сборами. Старая дѣва сухимъ, увядшимъ стеблемъ сиротливо торчала на кормѣ; Златковскій пристроился у руля. Послѣднимъ прыгнулъ въ лодку, сначала оттолкнувъ ее, босой здоровенный мужикъ въ засученныхъ по колѣни штанахъ, рябой и безбородый. Я обратилъ вниманіе на его икры, упругія, мускулистыя, какъ у гладіатора, и рѣшилъ позвать его позировать. Такого богатыря интересно написать! Мужикъ нѣсколькими взмахами веселъ перегналъ лодку на другой берегъ, привязалъ къ ея носу длинную бичеву, перепоясался другимъ концомъ у крѣпкой груди, и, твердо ступая, словно чугунными ногами, быстро потащилъ насъ противъ теченія.

— Сколько времени предстоитъ намъ такимъ образомъ ѣхать?—спросилъ я Нину Михайловну.

— До Борщевки около пяти верстъ,—небрежно уронилъ Зембулатовъ.

— Одинъ видъ этого человѣка, который тащитъ насъ словно вьючная скотина, способенъ убить всякое удовольствіе,—вырвалось у меня совершенно искренно.

— Я съ вами согласна. Это гадко, но ничего не подѣлаете. Теченіе такъ сильно, что идти противъ него на веслахъ — немыслимо, — просто отвѣтила Нина Михайловна и въ упоръ посмотрѣла на меня сѣрыми властными глазами.

— А я не согласенъ съ вами,— возразилъ Зембулатовъ. — Ничего здѣсь гадкаго нѣтъ, какъ вы изволите говорить. Наоборотъ, мужланъ радъ случаю заработать.

— Разумѣется,—жеманно протянула за моей спиной высохшая дѣва.

Нина Михайловна съ лукавой улыбкой погрузила пальцы въ рѣку

и вдругъ, захвативъ горсть сверкнувшей на солнцѣ воды, ловко плеснула ею прямо въ лицо Зембулатову. Князь опѣшилъ, покраснѣлъ и сталъ вытирать платкомъ щеки и шею.

— За то, чтобы вы не говорили глупостей, князь... А если бы васъ проманежить на бичевѣ такимъ образомъ, хорошо бы вамъ было?.. Разъ мы поступаемъ дурно, надо по крайней мѣрѣ имѣть мужество сознаваться въ этомъ, а не оправдывать себя и не говорить „мужланъ радъ“.— Глаза дѣвушки презрительно блеснули, и, какъ ни въ чемъ не бывало, она откинулась назадъ, и, не глядя, протянула къ Златковскому руку за пахитоской. У него былъ ея маленькій портпапиросъ изъ слоновой кости.

— Однако, въ черномъ тѣлѣ держитъ барышня князюленьку, — подумалъ я съ удовольствіемъ.—Оригинальныя между ними отношенія. Зембулатовъ влюбленъ, если только онъ можетъ любить кого нибудь,

кромѣ собственной персоны. А она? Трудно ее разгадать. Зачѣмъ она меня пригласила? Зачѣмъ я, вообще, среди этихъ чуждыхъ мнѣ людей, общество которыхъ даже моимъ тщеславнымъ исканіямъ не льститъ нисколько?

Садилось солнце. Въ погасающихъ лучахъ рѣка розовѣла, зыблилась золотистыми пятнами и червонѣла въ ярко вишневыхъ колерахъ. Далеко въ глубинѣ тонули облака и ясное небо.

Мѣрно, какъ безчувственная машина, тянулъ насъ мужикъ на бичевѣ. Мокрая рубаха прилипла къ дюжимъ лопаткамъ, одна штанина сползла внизъ, а онъ все подвигался впередъ, тяжело ступая и хлопая иногда босыми ногами по водѣ луговыхъ болотцевъ. Я смотрѣлъ на мужика, и мнѣ мерещился чудный сюжетъ для картины. Вотъ этотъ самый мужикъ, только еще болѣе лохматый, оборванный, тащитъ лодку съ досужими барами, сытыми, нарядными, которымъ отъ празднаго

бездѣлья вздумалось покататься. Сюжетъ много эффектнѣе знаменитыхъ рѣпинскихъ „Бурлаковъ“. Тамъ человѣкъ замѣняетъ скотину въ силу необходимости, а здѣсь — одна лишь прихоть. Такая картина сразу могла бы сдѣлать имя.

— Хотите писать мой портретъ? — прервала вдругъ мои разсужденія Нина Михайловна.

— Конечно, но только вы же сами... Я не видѣлъ у васъ желанія.

— Надо повременить. Я желаю, чтобы вы лучше меня узнали: тогда въ портретѣ отразится мой духовный міръ. Иначе, чѣмъ онъ будетъ отличаться отъ хорошей фотографической карточки? Только живописью, жизнью и колоритомъ? Тогда не стоитъ позировать. Поэтому я и презираю фотографію и никогда не снимаюсь Насилу въ институтѣ уломали сняться. Вы читали „Бѣсы“ Достоевскаго? Помните, тамъ кто-то говоритъ, что на фотографіи Бисмаркъ можетъ выйти нѣжнымъ и Вольтеръ глупымъ. Совершенно согласна. Мо-

ментъ, когда фотографъ наводитъ на васъ аппаратъ—одинъ изъ глупѣйшихъ моментовъ въ жизни. Фотографія — нѣчто механическое, а я люблю все одухотворенное; слышите, князь? о-ду-хо-тво-рен-ное!—и Нина Михайловна шаловливо и больно ударила Зембулатова хлыстомъ по рукѣ.

Князюленька покраснѣлъ, челюсти затряслись, и онъ пробормоталъ:

— Ah, laissez moi tranquille, je vous en prie.

Барышня звонко расхохоталась.

Скрылось солнце, робко вспыхивалъ закатъ, и глубокая синева у горизонта закалялась въ мертвенно-аспидные тона. Мы прибыли въ Борщовку. Съ высокаго берега поджидала насъ опушка сосноваго лѣса, вотъ-вотъ готовая погрузиться въ сонъ лѣтняго вечера.

Мужикъ привязалъ лодку и вынесъ на берегъ самоваръ, корзинки, узелки со всякой снѣдью. По крутой тропинкѣ, увязая въ сыпучемъ пескѣ, мы взобрались къ подножію сосенъ.

Мужикъ насбиралъ сухихъ вѣтокъ и развелъ костеръ. Огонь разгорался, сухо потрескивалъ. Нѣсколько языковъ яркаго пламени, словно соперничая, лихорадочно устремлялись энергичными прыжками вверхъ пытаясь лизнуть озаренныя иглы замершихъ надъ костромъ вѣтвей.

Въ ожиданіи, пока вскипитъ самоваръ и мужикъ съ хутора принесетъ молоко, компанія разбрелась, правильнѣе—ушли въ разныя стороны двѣ пары: Нина Михайловна съ княземъ и акцизная дама съ невзрачнымъ предводителемъ. Остались мы вдвоемъ со старой дѣвой. Обратиться къ этому кислому существу „съ разговоромъ приличнымъ" у меня не было никакой охоты. Я предоставилъ ей сидѣть мечтательно въ одиночествѣ у костра и пошелъ къ рѣкѣ.

Тусклой, стальной лентой змѣилась она межъ береговъ, пропадая средь густѣющихъ сумерокъ. Прохладный вѣтерокъ навѣвалъ луго-

вой ароматъ. Откуда-то доносилась заунывная пѣсня. Красными звѣздочками мерцали костры пастуховъ. Загорались огни города, что угадывалось вдали неяснымъ, туманнымъ пятномъ. Закатъ погасалъ, блѣднѣлъ. Будто подернутые нѣжнымъ налетомъ уголья, тускнѣли пепельно розоватые тучки. Мнѣ взгруснулось. Жажда счастья тихо сосала грудь. Обидно стало что Нина Михайловна исчезла съ княземъ. Сперва ласковымъ своимъ вниманіемъ окрылила она мою призрачную надежду, потомъ... Она презираетъ Зембулатова, смѣется надъ нимъ и въ то же время... Какъ понять странную дѣвушку, какъ проникнуть въ ея темную игру? Несмотря на свой чудовищный эгоизмъ, я все перенесъ бы покорно ради этого обаятельнаго существа высшей природы...

Я вздрогнулъ отъ внезапно раздавшагося смѣха акцизной дамы, выросшей со Златковскимъ въ нѣсколькихъ шагахъ.

— Вотъ что значитъ художникъ!

хайловна лѣниво прихлебывала чай.

— Сядьте ближе, — сказала она мнѣ ласково.

Я съ радостью повиновался.

— Хочу васъ внимательно разсмотрѣть. Должна же отразиться на лицѣ печать таланта...

— У меня такое прозаическое, простое лицо; гдѣ ужъ тамъ...

— Не скажите. Длинные волосы, вдохновенный видъ,—все это давно отошло и сдѣлалось достояніемъ оперы. Богъ съ ними, съ декораціями. А у васъ, напримѣръ, есть во взглядѣ что-то острое, характеризующее большую наблюдательность и вѣрность глаза. Изъ васъ могъ бы выйти каррикатуристъ и хорошій рисовальщикъ.

— Вамъ знакомы наши художественные термины!—наивно удивился я.

— А вы этого отъ барышни не ожидали?

— Признаться, да.

— Я люблю искусство, только у насъ поговорить о немъ не съ кѣмъ, — громко, не стѣсняясь, заявила Нина Михайловна. — Единственный знатокъ и любитель графъ Топольницкій. Но, во-первыхъ, онъ меня презираетъ, считаетъ пустой барышней, во-вторыхъ, у меня не лежитъ къ нему сердце, а въ третьихъ, онъ насъ избѣгаетъ, т.-е. правильнѣе папа̀, котораго терпѣть не можетъ.

— Не любитъ? Но за что же не любить такого человѣка? — сподличалъ я.

Нина отвѣтила тихо:

— Будьте искренни. За что же его любить, за что, скажите? — въ голосѣ дѣвушки звучали печальныя нотки, — она тяготилась своимъ отцомъ.

Разумѣется, я не нашелъ отвѣта.

— Какое волшебное освѣщеніе, не правда-ли? — перемѣнила она разговоръ, указывая на группу у костра, — что-то фантастическое, рембрандтовское. Вы любите Рембрандта?

— Очень. Представьте, этотъ гигантъ мало извѣстенъ большой публикѣ.

— Какъ почти все геніальное. Оно не по плечу толпѣ. Это вздоръ, что геній простъ и всѣмъ понятенъ. Геній дѣлается понятнымъ только чрезъ много вѣковъ, когда человѣчество становится культурнѣе и дорастаетъ до него. Тѣмъ болѣе толпа всегда ждетъ отъ искусства реальной пользы. А межъ тѣмъ, самое прекрасное—почти самое безполезное. Что можетъ быть безполезнѣе для средняго утилитарнаго человѣка Венеры Милосской?

Я смотрѣлъ въ сѣрые глаза Нины Михайловны и дивился, какая странная, сложная натура; то шалитъ и награждаетъ ударами хлыста своего грузнаго поклонника, то серьезно разсуждаетъ объ искусствѣ, если и не Богъ вѣсть какъ умно, то, во всякомъ случаѣ, оригинально.

Нина Михайловна продолжала:

— „Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, и я скажу тебѣ кто ты“. Людей

легко опредѣлять ихъ любимыми писателями, художниками. Я знаю одного полусумасшедшаго аскета монаха, который въ восторгѣ отъ Нестерова. Князь одобряетъ пикантныя картинки Буше...

— А вамъ кто нравится?—спросилъ я Нину Михайловну.

— Мнѣ—Рибейра. Я люблю этого мрачнаго испанца, съ темной, какъ инквизиціонный подвалъ, душой. Онъ презиралъ людей и находилъ наслажденіе въ ихъ страданіяхъ. Это обаятельно...

Костеръ погасалъ. Съ лица Нины Михайловны сбѣжали вдругъ яркія трепетныя краски, и оно очутилось въ тѣни. Только глаза свѣтились холоднымъ, почти жестокимъ блескомъ. Мнѣ даже жутко стало. Въ этотъ моментъ она напоминала своего отца. Но въ то же время какая непроходимая между ними бездна! Тамъ что-то мелкое, ничтожное, а здѣсь теоретическая жестокость, дышащая покоряющей сильной поэзіей...

XX.

Съ этого вечера, когда Нина Михайловна такъ хорошо бесѣдовала со мной, замѣтно выдѣливъ меня изъ всей компаніи, я окончательно сознадъ себя въ ея власти.

Въ Зембулатовѣ я видѣлъ соперника и слѣпо, непримиримо возненавидѣлъ его. Въ городѣ говорили, что князь упорно жаждетъ жениться на губернаторской дочери и что самъ Наташкинъ далеко не противъ этого брака. И не мудрено. Михаилъ Игнатьевичъ все счастье жизни видѣлъ въ деньгахъ и власти. Перваго у богача-князя было очень много, а при связяхъ своихъ онъ легко могъ получить мѣсто вице-губернатора. Жилъ князь широко. Многіе завидовали его роскошной холостой квартирѣ, его лошадямъ, костюмамъ. Безъ шампанскаго онъ не садился за столъ. Онъ первый сталъ разъѣзжать по городу въ коляскѣ на

гуттаперчевыхъ шинахъ. Съ подобнымъ соперникомъ почти немыслимо тягаться невзрачному, худородному живописцу, — и я, пожалуй, отступилъ-бы, но насмѣшливое презрѣніе Нины Михайловны къ Зембулатову и ласковость ко мнѣ вселяли какіе-то дерзкія надежды. Я никогда не страдалъ отсутствіемъ самоувѣренности и, быть можетъ снисходительно жалостливое отношеніе сильной духомъ, но доброй дѣвушки принималъ за искорку любви, хотя потомъ я убѣдился...

Нина Михайловна сама искала нашего сближенія. Она приглашала меня запросто въ свой уютный будуаръ, гдѣ на высокой жердочкѣ прыгалъ ея любимецъ, — злой, раздражительный попугай, съ крѣпкимъ, какъ желѣзо, аспидно-матовымъ клювомъ. Попугай смирялся только передъ своей владычицей и, тараща круглые красные глаза, рабски повиновался малѣйшему жесту изящной ручки, унизанной дорогими сверкающими кольцами.

Наконецъ, Нина Михайловна разрѣшила мнѣ писать ее. Можно себѣ представить, съ какимъ наслажденіемъ приступилъ я къ портрету! Когда я умышленно подходилъ къ ней близко, подъ предлогомъ поправить позу, меня пожаромъ охватывало двойственное чувство. Я боготворилъ ее и ненавидѣлъ въ то же время. Ненавидѣлъ за высшую породу и, главное, за то незыблемое сознаніе полной своей неприкосновенности, съ которымъ она сидѣла, прекрасная, величавая, гордая! Рабски почтительный, благоговѣющій, я не позволю себѣ ни одного фамильярнаго движенія, ни одного поцѣлуя, какъ бы я близко ни наклонялся. Она была убѣждена въ этомъ. О, наклоняйся къ ней такъ князь Зембулатовъ, человѣкъ своего круга, человѣкъ „смѣющій дерзнуть“, — она не сидѣла бы спокойнымъ, мраморнымъ изваяньемъ. И хлыстъ, что, бездѣйствуя, валялся на диванчикѣ, навѣрное, съ угрожающимъ свистомъ нервно трепеталъ бы въ

ея рукѣ. И всякій разъ мною овладѣвало безумное желаніе нарушить это великолѣпное спокойствіе мраморной богини, чтобы она стремительно встала, крикнула, сдѣлала изумительно негодующіе глаза; хотѣлось сдавить ее въ объятіяхъ и покрыть сумасшедшими поцѣлуями высокую шею, точеную, плѣнительную!.. Моя плебейская кровь торжествовала бы тогда, но не хватало мужества. Она видѣла всѣ мои волненія, затаенные порывы, и подавленная улыбка таилась въ уголкахъ алаго, начинающаго увядать рта.

Ни отецъ, ни князь не смѣли входить во время сеанса. Это было запрещено имъ строго - настрого. Подъ протекторатомъ этой всесильной дѣвушки я сознавалъ себя неуязвимымъ и, встрѣчаясь съ грознымъ губернаторомъ, безбоязненно, даже нагло, смотрѣлъ ему прямо въ переносицу. Зембулатовъ, надменный и безъ того, замкнулся въ броню самаго возмутительнаго вы-

сокомѣрія. Меня такъ и подмывало каждый разъ сказать ему:

— Ахъ, князь, пожалуйста, не презирайте меня...

Я загордился и считалъ себя героемъ, хотя, собственно говоря, гордиться и производить себя въ герои пока было не изъ чего. Даже маломальски разобраться въ неопредѣленномъ, исполненномъ неуловимыхъ колебаній, поведеніи Нины Михайловны было болѣе, чѣмъ мудрено. Только послѣ любительскаго спектакля, — конечно, благотворительнаго,—я могъ поздравить себя: она меня любитъ, чуточку, самую малость, но любитъ...

Что-то интимное, располагающее къ простымъ „запанибратскимъ" отношеніямъ, рѣетъ въ закулисной атмосферѣ. Любители считаютъ непремѣннымъ долгомъ походить на заправскихъ актеровъ, быстро усваиваютъ ихъ жаргонъ, а также развязно-нахальное обращеніе, которое почему-то принято считать товарищескимъ.

Поставили „Майоршу“ Шпажинскаго. Помимо роли художника Волжина, на меня возложили расписать кой-какія декораціи. Цѣль спектакля благотворительная и за свой скучный, неблагодарный трудъ я — увы!—не получилъ ни копѣйки. Но я не особенно сѣтовалъ, ибо благодаря заказамъ, жилъ почти роскошно.

Репетиціи происходили въ находившемся посреди городского сада деревянномъ театрѣ. Въ тѣсныхъ уборныхъ и полутемныхъ корридорчикахъ Нина Михайловна казалась мнѣ другою, нежели въ губернаторскихъ покояхъ. Она брала меня за руки, хлопала по плечу, нѣжно выталкивала изъ уборной, торопя выполнить какое нибудь приказаніе, и въ голосѣ ея дрожали сердечныя нотки.

Нина Михайловна играла Ѳеню, майора Терехова—студентъ Кривоносъ, Карягина — акцизный контролеръ Лѣкаренко, Пашу—жена управляющаго акцизными сборами, и Славнева—князь Зембулатовъ. Ис-

полнители соотвѣтствовали своимъ ролямъ, и спектакль сошелъ довольно удачно. Нина Михайловна словно была создана для Ѳени, этой сильной и гордой дѣвушки, не признающей пошлыхъ житейскихъ кандаловъ. Глупый, кривляка и хлыщъ Славневъ нашелъ себѣ вполнѣ достойнаго толкователя въ лицѣ князя. Лѣкаренко, человѣкъ съ несомнѣннымъ драматическимъ талантомъ, который, вмѣсто винокуренныхъ заводовъ, долженъ былъ бы подвизаться на подмосткахъ, сыгралъ положительно блестяще. Это всѣ признали единогласно. Что касается меня, то, во-первыхъ, моя роль была сравнительно легкая, а, во-вторыхъ, длинные волосы, рубенсовская шляпа и бархатный пиджачокъ шли художнику, какъ нельзя болѣе.

Послѣ спектакля стулья и скамьи были убраны, и по срединѣ зрительнаго зала „артисты“ ужинали. Я очутился рядомъ съ Ниной Михайловной. Она развязно пила шампанское, но что-то унылое смотрѣло

изъ ея глазъ. Неожиданно наклонилась она ко мнѣ и прошептала, не обращая никакого вниманія на ревнивые взгляды Зембулатова:

— Ахъ, какъ все это скучно, Иванъ Мартыновичъ, если-бъ вы знали! Все, рѣшительно все. И этотъ глупый спектакль. Кому онѣ нужны наши затѣи?—и вдругъ шопотомъ добавила,—я къ вамъ приду завтра, хочу побывать у васъ, посмотрѣть, какъ вы живете...

Слова эти обожгли мой слухъ. Мнѣ стало вдвойнѣ пріятно: она, Нина Михайловна, придетъ ко мнѣ! Боже, смѣлъ-ли я мечтать когда-нибудь! А во-вторыхъ, я могъ пожалѣть эту гордую, сильную дѣвушку, скорбящую, тоскующую. А жалѣть людей сильныхъ—одно наслажденіе. Въ такія минуты у дряблыхъ натуръ, въ родѣ меня, является сознаніе если не превосходства надъ ними, то, во всякомъ случаѣ, равенства.

Не знаю, слыхалъ-ли Зембулатовъ послѣднія слова Нины Михайловны,

но онъ насупился и мрачно сосалъ шампанское.

XXIII.

Утромъ Нина Михайловна была у меня. Нервно восторженная, съ блещущими глазами, осмотрѣла она мастерскую, не пропустивъ ни одной мелочи. И въ то же время взглядъ ея былъ разсѣянный, блуждающій.

Близился полдень. Въ окно смѣло и властно врывался снопъ солнечныхъ лучей. Было тихо. Все дремало въ полуденной истомѣ. Изъ сада неслось лѣнивое щебетаніе птичекъ.

Нина Михайловна подошла къ окну, увидѣла рѣку, даль, блѣдно золотистые бугры, что сонно нѣжились въ солнечныхъ лучахъ, и воскликнула:

— Ахъ, какъ у васъ чудно, какъ я вамъ завидую, Иванъ Мартыновичъ!

Свѣжая, ароматная, соблазнительная въ каждомъ своемъ движеніи, словѣ,—она пьянила меня. Я задыхался и молчалъ.

Мы очутились на диванѣ рядомъ. Нина Михайловна нетерпѣливо сдергивала перчатки. Словно загадочная наяда освобождала она отъ чешуи свои красивыя руки. Бѣлые тонкіе пальцы ея шаловливо тонули въ моихъ длинныхъ волосахъ. Мнѣ сдѣлалось такъ больно, точно меня скальпировали. На глазахъ раскаленными свинцовыми брызгами зажглись слезы. Частью повинуясь жестокой рукѣ мучительницы, частью по доброй волѣ, я бокомъ сползъ на коверъ и очутился передъ нею на колѣняхъ.

— Любишь-ли ты меня? — тихо спросила она съ дрожью въ голосѣ.

Я молча поцѣловалъ подолъ ея платья. Пальцы Нины разжались, и я пожалѣлъ объ этомъ. Тогда лишь я понялъ впервые, насколько отрадна боль отъ любимой женщины.

— Хочешь меня писать такъ? — порывисто спросила она, близко заглядывая мнѣ въ лицо, — какъ вы пишете натурщицъ, это будетъ очень пикантно, правда?—она нервно рас-

хохоталась. Губернаторская дочь позируетъ въ костюмѣ Евы. Напишите съ меня Фрину. Ужъ ради одного скандала стоитъ позировать. Боже, что случилось бы съ папà! А наши дамы? Если-бъ онѣ и не забросали меня каменьями, то потому лишь, что я дочь Наташкина. Нѣтъ, я шучу.

Я обезумѣлъ.

Мною овладѣла потребность униженія. Хотѣлось, чтобы Нина топтала меня ногами, попирала и я цѣловалъ бы подошвы ея туфель.

— Принимайся сейчасъ же за работу, я хочу этого. Затвори окно...

Я сталъ набрасывать контуръ, но ничего не вышло. Надо слишкомъ любить искусство, чтобы оставаться равнодушнымъ созерцателемъ такой волнующей красоты.

Что-то вакханически-страстное, почти разнузданное, придавали ей безпорядочно разсыпанныя по круглымъ плечамъ волны пепельныхъ волосъ. Боже, какіе чудеса создалъ бы тутъ Тиціанъ! Даже Брюлловъ...

Она, эта обаятельная наяда, исчезла такъ-же внезапно, какъ и явилась, пообѣщавъ на-дняхъ заглянуть. Что-то слишкомъ интимное, вмѣстѣ съ тѣмъ далекое, заключалъ въ себѣ этотъ оригинальный визитъ. Она словно хотѣла разжечь, удесятерить мои терзанія и муки. Нѣтъ, лучше жаждущему путнику не видѣть источника совсѣмъ, нежели находиться близь него и не смѣть освѣжить запекшіяся уста.

XXII.

Ночь прошла скверно,—не спалось. Я поднялся рано и сонный, зѣвая. кончалъ фонъ портрета „акцизной дамы". Рядомъ на мольбертѣ стоялъ холстъ съ набросаннымъ контуромъ Нины. Ее можно было сразу узнать. Рука управляла почти машинально. Ежеминутно я косился на эскизъ и думалъ о ней.

Зачѣмъ она затѣяла все это, зачѣмъ хочетъ испробовать на мнѣ силу своихъ чаръ?

Отъ вчерашняго посѣщенія, какъ и отъ всего существа этой дѣвушки, осталось впечатлѣніе чего-то обольстительно - неяснаго, крайне своеобразнаго.

Я любилъ ее безумно.

Поработавъ, я усѣлся читать лекціи объ искусствѣ Тэна, познакомиться съ которыми совѣтовалъ мнѣ графъ Рейхъ-Топольницкій. Около двухъ я захлопнулъ книгу, накинулъ крылатку и хотѣлъ было направиться въ „Константинополь" обѣдать, но мой мальчикъ подалъ карточку князя Зембулатова. Я пожалъ плечами и велѣлъ просить.

Вошелъ надушенный, хорошо выбритый князь, съ надменнымъ выраженіемъ полнаго тупого лица. Не снимая крылатки и не двигаясь къ нему на встрѣчу, я стоялъ посреди мастерской. Князь не протянулъ мнѣ руки, вооружилъ глазъ моноклемъ, опустился на подвернувшійся стулъ, небрежнымъ прищуреннымъ взглядомъ скользнулъ по комнатѣ. Въ лицо мнѣ хлынула кровь отъ обиды,

что мои хозяйскія права такъ нагло нарушены и что Зембулатовъ увидитъ набросокъ Нины. Я хотѣлъ повернуть мольбертъ, но было уже поздно. Князь впился глазами въ полотно, и его передернуло.

— Собственно, что вамъ угодно?— съ трудомъ выговорилъ я.

Зембулатовъ раскачивалъ ногой, поглядывая то на кончикъ лакированной ботинки, то на меня.

— Мнѣ угодно сказать вамъ нѣсколько теплыхъ словъ, господинъ... — онъ умышленно сдѣлалъ оскорбительную паузу,—господинъ художникъ. Уѣзжайте отсюда. По городу ходятъ о васъ какіе-то темные слухи. Оказывается, вы агитируете среди простого народа противъ губернатора, разжигаете страсти...

— Это ложь, клевета! — крикнулъ я.

— Прошу не перебивать меня. Кромѣ того, намъ съ его превосходительствомъ извѣстно, что вчера у васъ была Нина Михайловна. Вы позорите домъ, понимаете-ли вы

это, ничтожный проходимецъ? Это нравственный шантажъ, за это...

Зембулатовъ всталъ, выпрямилъ грудь и шагнулъ ко мнѣ.

Я озвѣрѣлъ: вся ненависть къ этому человѣку поднялась вдругъ со дна души удушливымъ клубомъ. Я схватилъ съ кушетки муштабель и бѣшено имъ замахнулся:

— Вонъ отсюда, мерзавецъ! вонъ, сію минуту, иначе я голову разможжу тебѣ!—хрипло кричалъ я, топоча ногами.

Я съ наслажденіемъ наблюдалъ, какъ этотъ крупный, сильный мужчина, князь, камеръ-юнкеръ, испугался, самымъ унизительнымъ образомъ испугался. Онъ задомъ попятился къ двери, пробормоталъ:— „хорошо-же, хорошо“ -- и скрылся. Я разломалъ муштабель пополамъ и швырнулъ оба куска ему вдогонку...

Здѣсь записки Маразюка-Крапоткина прерываются.

Что побудило его взяться за перо и написать нѣсколько печатныхъ

листовъ? Какіе мотивы были тому причиной?—Не знаю, быть можетъ, зимними сумерками, которыя такъ располагаютъ къ тихимъ мечтаніямъ, ему пришла мысль принести покаянную исповѣдь; захотѣлось, набравшись мужества, обнажить предъ людьми свою душу. Можетъ статься—и такъ. Но тогда Маразюкъ не выдержалъ своего тона. Онъ не всегда искрененъ. Рядомъ со смиренными нотками звучитъ суетная самовлюбленность, хвастливость и самомнѣніе. О своемъ талантѣ онъ думаетъ слишкомъ много. Судя по картинѣ „съ казаками", это скромное дарованіе второго сорта—и только.

Маразюкъ-Крапоткинъ нѣсколько разъ говоритъ о своей любви къ бурнымъ приключеніямъ; такъ какъ приключенія эти не всегда носятъ чистоплотный характеръ, то я имѣлъ смѣлость назвать автобіографію молодого художника „Записками проходимца".

Гдѣ теперь Маразюкъ? Что съ нимъ?

НА ДЕСНѢ

Путевой зигзагъ.

I.

Я люблю Украйну. Это моя родина. Люблю за природу — то пышную, роскошную, то скудную, застѣнчиво-милую; люблю за бурное колоритное прошлое, полное красотъ, за памятники обаятельной старины, за поэзію пѣсенъ и преданій.

Каждый годъ, съ наступленіемъ весны, меня неодолимо тянетъ изъ Петербурга въ Малороссію.

Я съ наслажденіемъ покидаю столицу, чтобъ услышать мягкую родную рѣчь, упиться ароматнымъ воздухомъ полей и луговъ, посмотрѣть на запорожскіе курганы.

Года три назадъ, мнѣ привелось быть въ Новгородсѣверскѣ. Меня очаровалъ этотъ живописный старинный уголокъ съ девятисотлѣтнимъ монастыремъ, съ едва при-

мѣтными развалинами замка удѣльнаго князя Мстислава Святополковича, маленькой церковкой, гдѣ имѣется икона наивнаго запорожскаго письма — „Матерь Божья съ казаками".

Старинный монастырь, въ годину войнъ и невзгодъ, замѣнялъ собой крѣпость. Новгородсѣверскій монастырь одинъ изъ типичнѣйшихъ въ этомъ родѣ. Высокая каменная стѣна съ остроконечными башнями надежно окаймляетъ его со всѣхъ сторонъ.

Стѣны снабжены продолговатыми бойницами для ружей и стрѣлъ, а башни — круглыми пушечными амбразурами. Кто только не атаковалъ этихъ стѣнъ и кто только не отбивался изъ-за нихъ! Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ тамъ не на жизнь, а на смерть рѣзались дружины удѣльныхъ непосѣдовъ Ольговичей, Мономаховичей и Давидовичей. Въ 1238 году Новгородсѣверскъ звѣрски опустошили татары. Нѣсколько сотъ разъ за свою долговѣчную жизнь переходилъ изъ рукъ въ руки этотъ

замѣчательный городъ. Особенно прогремѣлъ Новгородсѣверскъ въ эпоху самозванства. Въ 1604 году Басмановъ крѣпко засѣлъ со своей ратью въ монастырѣ и оборонялся отъ Лжедимитрія, который вмѣстѣ съ поляками и запорожцами бѣшено пытался завладѣть крѣпостью. Въ 1680 году Новгородсѣверскъ выгорѣлъ до тла. Въ 1708 году Мазепа защищалъ его съ горстью запорожцевъ отъ Петровскихъ дружинъ. Отчаянно защищались доблестные чубатые рыцари со своимъ хитроумнымъ батькой, и не овладѣть-бы Петру монастыремъ, но среди горожанъ нашелся измѣнникъ. Потайнымъ ходомъ онъ провелъ въ крѣпость русскіе полки. Петръ подарилъ ему свой царскій кубокъ. Говорятъ, что этотъ кубокъ хранится и по днесь въ роду потомковъ предателя.

Потайной ходъ сохранился, но осматривать его не позволяютъ. По словамъ монаховъ, онъ тянется до самаго Кіева и соединяется съ лаврскимъ подземнымъ ходомъ.

Внутренность монастырской церкви не имѣетъ въ себѣ ничего достопримѣчательнаго. Иконы особенной стариной не отличаются и писаны, сравнительно, недавно. Въ лѣвомъ углу церкви похороненъ графъ Разумовскій—сынъ послѣдняго малороссійскаго гетмана. Подъ тяжкой плитой розоваго мрамора съ бронзовыми инкрустаціями обрѣлъ вѣчный покой крупный магнатъ-сановникъ и министръ народнаго просвѣщенія двадцатыхъ годовъ. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія, когда Новгородсѣверскъ былъ губернскимъ городомъ, Екатерина II Великая, во время своего путешествія по Малороссіи, посѣтила и его. Памятникомъ ея пребыванія остались каменныя ворота на одной изъ главныхъ улицъ. Эта величественная незыблемая арка съ бѣлыми колоннами, испещренная выпуклыми гербами уѣзда, являетъ собою рѣзкій контрастъ съ ютящимися около деревянными нынѣшними домишками. Остановилась Екатерина

въ домѣ тогдашняго губернатора Судіенка (Судіенки—извѣстные черниговскіе богачи).

Съ добрыми знакомыми я посѣтилъ этотъ домъ. Хозяева живутъ въ имѣніи, и онъ пустуетъ цѣлыми годами. Онъ обширенъ, но низокъ, одноэтаженъ и сокрытъ почти весь зеленью сада. Это характерное жилище старосвѣтскихъ украинскихъ магнатовъ. Внутренность дома поражаетъ на каждомъ шагу, и, право, такъ хорошо тамъ, что, кажется, безъ конца ходилъ бы по этимъ установленнымъ дорогой старинной мебелью комнатамъ съ картинами большихъ мастеровъ по стѣнамъ. Благодаря обилію краснаго и чернаго дерева, въ домѣ стоитъ какой-то особенный, пріятный запахъ. Каждая, даже незначительная, вещица имѣетъ позади себя гирлянду интересныхъ традицій.

Громадный садъ Судіенка славится на весь Новгородсѣверскъ. Интересно смотрѣть на него съ Десны. Цѣлый потокъ мощной роскош-

ной зелени устремляется въ широкую разсѣлину, наводняетъ до краевъ зелеными волнами и бѣжитъ до заливного луга.

Въ свое время я описалъ довольно подробно домъ Судіенка со всѣми его интересными достопримѣчательностями и очень сожалѣлъ, что не удалось побывать въ имѣніи Очкинѣ, гдѣ рѣдкостей несравненно больше, чѣмъ въ городскомъ домѣ. Судіенко прочелъ мою статью и тоже пожалѣлъ: ему хотѣлось показать мнѣ свою усадьбу. Минувшимъ лѣтомъ я доставилъ себѣ это удовольствіе. А удовольствіе было большое.

II.

Полуденный зной сковалъ все. Городокъ лѣниво дремлетъ подъ горячими лучами лѣтняго солнца. Базарная площадь пустынна. Извозчичьи лошадки понуро стоятъ, нехотя отмахиваясь жидкими хвостами отъ назойливыхъ мухъ.

Торговцы и торговки частью попрятались въ лавки, частью сидятъ подъ навѣсами, — все - же прохладнѣе, чѣмъ подъ открытымъ небомъ. Бѣлыя церкви залиты волнами яркаго свѣта и ослѣпительно сверкаютъ ихъ золоченые кресты.

Я шелъ по площади на вольную почту взять лошадей до Очкина. Неровная булыжная мостовая накалилась такъ сильно, что черезъ подошвы ботинокъ чувствовался жаръ горячихъ камней.

Вотъ и почта. Небольшой домикъ и грязный, обширный дворъ, гдѣ грѣлись на солнцѣ старые тарантасы, телѣги, дрожки.

Меня никто не встрѣтилъ, и по деревянной лѣсенкѣ я поднялся въ домъ. Въ комнатѣ съ притворенными ставнями сидѣли за столомъ молодой чернобородый еврей и еврейка въ ситцевомъ платьѣ съ разстегнутой грудью. Смуглое лицо ея съ темными усиками блестѣло отъ пота. Ей невыносимо жарко. Супруги —

это были несомнѣнно супруги—ѣли изюмный компотъ.

Хозяинъ пригласилъ меня къ столу. Я попросилъ воды. Онъ заговорилъ о послѣднихъ политическихъ событіяхъ и полюбопытствовалъ—не знаю-ли я одного изъ его петербургскихъ пріятелей.

Жена слушала съ кислымъ выраженіемъ, въ которомъ, однако, была претензія на томность.

Узнавъ, что я ѣду въ Очкинъ, еврей оживился.

— Вы ѣдете до Судіенокъ? Вы тамъ не были? Охъ, какой у нихъ дворецъ! Какіе это были богатые паны! Пароходы свои имѣли.

До Очкина считалось тридцать верстъ, и почтосодержатель спросилъ съ меня шесть рублей. Я предложилъ четыре.

— Не торгуйтесь, ей Богу, не торгуйтесь! Дорога плохая, пески. Я вамъ дамъ такой прелестный фаэтонъ, — самому губернатору не стыдно.

Мы покончили на пяти рубляхъ, при чемъ я долженъ былъ заплатить за два парома—туда и назадъ—48 копѣекъ.

„Прелестный“ фаэтонъ оказался отвратительнымъ: дряхлыя рессоры были окутаны бичевками; запыленная кожа верха всюду растрескалась—живого мѣста не было; пружины сидѣнья давно утратили всякую эластичность и, точно желая освободиться изъ плѣна, лѣзли впередъ и немилосердно кололи меня.

На козлахъ сидѣлъ парень съ плохо пропеченнымъ бѣлорусскимъ лицомъ, въ картузѣ и люстриновомъ пиджакѣ. Загорѣлая шея была повязана цвѣтнымъ платкомъ.

Мы тронулись. Пара невзрачныхъ коней побѣжала дробной рысцой.

Кривая улица съ еврейскими лачужками и дремлющими въ бурьянѣ козами осталась позади.

Мы ѣхали вдоль Десны. Справа тянулись горы, слѣва серебрилась рѣка. Горы почти ежеминутно мѣняли свой характеръ. Изъ глинистыхъ

гигантскихъ раковинъ переходили онѣ въ мѣловыя. Мѣстами плавно круглились, покрытыя густымъ кудрявымъ кустарникомъ. Кое-гдѣ бѣлѣли стволы молодыхъ березъ. Попадались глубокія разсѣлины и балки. Тамъ росли темно-зеленыя сосны, червонѣла эффектными пятнами рябина, и неподвижно лежали глубоко ушедшія въ землю сѣрыя глыбы камней, покрытыхъ мохомъ. Есть что-то предательское въ этихъ красивыхъ поэтическихъ балкахъ. Въ нихъ хорошо прятаться. Въ былое время не разъ хоронились тамъ передовые развѣдчики татарскихъ загоновъ и запорожскихъ куреней.

Не успѣвалъ глазъ запечатлѣть одну картину, какъ на смѣну являлась другая.

Мѣстами горячій воздухъ дрожалъ надъ потоками свѣжей, волнистой зелени.

Вотъ бы пейзажиста сюда!

И почему художники не ѣздятъ въ Новгородсѣверскъ на этюды?

А широкая Десна, то ровная, покой-

ная, то сверкающая нарядной серебристой зыбью отъ легкаго дыханія вѣтерка, смягчала зной своей прохладой и какъ-то ласково, гармонично баюкала душу.

Чуть слышный шорохъ воды о мокрый берегъ — плавный, протяжный — будилъ мечтанія. Такъ хорошо, покойно было мнѣ...

Впереди, у покривившейся хатки съ закопченнымъ, словно незрячій слезящійся глазъ, оконцемъ, тихо колыхался паромъ. Плескалась вода. Изъ хатки выскочилъ лохматый мужикъ въ высокой войлочной магеркѣ. Паромъ глухо загрохоталъ подъ копытами лошадей. Мы поплыли, медленно приближаясь къ другому берегу — песчаному и низкому.

Вотъ и берегъ. Тяжелымъ, медленнымъ шагомъ поплелись лошади. Колеса глубоко уходили въ песокъ, и свѣтлая пыль непрерывно, монотонно осыпалась съ блещущихъ на солнцѣ желѣзныхъ шинъ. Что-то усыпляющее было въ этомъ...

А впереди, неправильнымъ пятномъ съ волнистыми контурами зеленѣлъ сосновый лѣсъ. Онъ сулилъ намъ прохладу и тѣнь.

III.

Мы долго ѣхали. Еще одинъ паромъ переправилъ насъ черезъ притокъ Десны, еще потянулись сыпучіе пески, а городъ не исчезалъ ни на минуту. Красиво, живописно лѣпился онъ, весь въ зелени, по скатамъ валовъ, и гордо высились въ прозрачномъ воздухѣ бѣлыя колокольни монастыря, сверкая золочеными шлемами.

Три часа утомительнаго пути по жарѣ — и вдали обрисовалась деревня.

— Очкинъ, — пояснилъ ямщикъ.

Длинная кривая улица съ бревенчатыми сѣрыми хатами по сторонамъ. На заваленкахъ — полунагіе бѣлоголовые ребятишки и дряхлые старики съ подслѣповатыми глаза-

ми. Все способное работать—въ полѣ. У колодца — почтовая тройка; ямщикъ поилъ лошадей. Долговязый журавль скрипѣлъ протяжно и тоскливо.

Миновала улица, потянулось поле; впереди густо зеленѣлъ громадный, окаймленный кирпичной оградой, садъ судіенковской усадьбы. Манера строить усадьбу въ сторонѣ отъ села—типичная манера всѣхъ старосвѣтскихъ магнатовъ. Имъ нравилось жить подальше отъ грязныхъ мужиковъ, чтобъ запахъ деревни не проникалъ къ нимъ въ тѣнистыя аллеи.

Ограда была сложена изъ маленькихъ кирпичей екатерининскаго времени.

Мнѣ вспомнилась видѣнная въ дѣтствѣ разоренная усадьба пейзажиста Атрыганьева „Ляличи“ на границѣ удѣловъ Суражскаго и Мглинскаго. Заглохшій семиверстный паркъ окружала такая же точно стѣна...

IV.

— Прямо во дворецъ ѣхать?— спросилъ ямщикъ.

Не сообразилъ я вдругъ... Отголоскомъ чего-то далекаго, безвозвратно минувшаго, феодальнаго повѣяло на меня отъ этихъ словъ...

Два высокихъ тополя у старыхъ, поросшихъ мохомъ, каменныхъ воротъ, широкая криво изогнутая липовая аллея—и мы на громадномъ зеленомъ дворѣ съ гигантскимъ развѣсистымъ дубомъ посрединѣ. И дворъ, и дубъ, и бѣлый двухъэтажный дворецъ съ колоннами, что выглянулъ нежданно изъ-за деревьевъ,—все было залито яркимъ солнечнымъ свѣтомъ.

По сторонамъ дворца симметрично расположены два флигеля, тоже бѣлыхъ и тоже съ колоннами. Стиль Растрелли чувствовался сразу. Говорили объ этомъ и неизбѣжные

плоскіе купола со шпилями, и обиліе колоннъ, и гармоничная компактная приземистость зданія.

Ни души вокругъ. Прямой, какъ зеленое озеро, ничѣмъ не огороженный дворъ уходилъ къ рѣкѣ, которая сверкала вдали узкой серебристой ленточкой.

Ямщикъ пояснилъ, что господа не живутъ во дворцѣ, и мы подъѣхали къ одному изъ флигелей. Никто не выходилъ. Какъ-то жутко стало средь этой, будто вымершей, старины. Явилась нѣкоторая неловкость. Наконецъ, въ дверяхъ обрисовалась фигура благообразнаго лакея въ длинныхъ висячихъ бакенахъ и въ сѣрой пиджачной парѣ.

— Евгеній Александровичъ дома?—спросилъ я.

— Они на хуторѣ. Вмѣстѣ съ братомъ Георгіемъ Александровичемъ съ утра уѣхали. Тамъ у нихъ винокурня...

— Жаль; мнѣ хотѣлось бы его увидѣть.

— Такъ это можно-съ. Я пошлю

за ними бѣговыя дрожки. Версты двѣ отсюда. А вы пока пожалуйте-съ во флигель.

— Съ дороги умыться хорошо-бы.

— Это мы сію минуту.

Лакей сказалъ ямщику ѣхать на конюшню, а самъ повелъ меня во флигель и, пока приготовитъ умыться, онъ просилъ подождать въ большой длинной столовой.

Смѣшанная мебель. Банальная, обыкновенная и нѣсколько стульевъ Empire. На стѣнѣ, средь гравюръ изъ жизни Наполеона I, висѣлъ портретъ молодой дамы въ костюмѣ тридцатыхъ годовъ. Въ рукѣ она граціозно держала розу. Приторная зализанность письма, условный колоритъ и лишенное всякой индивидуальности хорошенькое личико напоминало одну изъ работъ Винтергальтера. Потомъ я узналъ, что не ошибся. Винтергальтеръ — эта бездарность, былъ одно время моднымъ портретистомъ нашего барства.

Лакей повелъ меня въ комнату братьевъ Судіенко. Тамъ было про-

хладнѣй. На стѣнахъ тоже висѣли гравюры. Съ небольшого, на стройныхъ тоненькихъ ножкахъ столика „жакобъ“ смотрѣли фотографіи изъ кожаныхъ рамокъ.

Я согнулся надъ массивнымъ умывальникомъ краснаго дерева и съ наслажденіемъ освѣжалъ покрытое пылью лицо. Лакей лилъ мнѣ на руки воду и говорилъ, что зовутъ его Григоріемъ, служитъ у Судіенокъ онъ около тридцати лѣтъ, живалъ съ господами и въ Москвѣ. Александръ Михайловичъ умеръ назадъ лѣтъ восемь. Молодость свою онъ провелъ въ гусарахъ. Родной братъ его — владимірскій губернаторъ — тоже умеръ, и послѣ него осталось много картинъ. Висятъ онѣ теперь во дворцѣ.

Во мнѣ загорѣлось желаніе увидѣть поскорѣе картины. Я люблю живопись, а старинная меня особенно интересуетъ.

— Можно сходить во дворецъ до возвращенія Евгенія Александровича?

— Можно-съ.

Я сталъ торопливо вытирать полотенцемъ лицо.

Дорогой Григорій сообщилъ, что мать обоихъ братьевъ, Ольга Владиміровна—урожденная Туманская. Сейчасъ она въ саду и слѣдитъ, какъ дѣвушки собираютъ къ обѣду клубнику. Обѣдаютъ господа по-столичному—въ семь часовъ.

Ни кухни, ни хозяйственныхъ построекъ не было видно. Все это притаилось гдѣ-то тамъ, за неровной зеленой стѣной деревьевъ. Прежніе баре — большіе эстеты—не любили, чтобъ неряшливая будничная проза нарушала стройную гармонію благородныхъ линій и красокъ.

Въ рукахъ Григорія зазвенѣла связка ключей. Онъ отперъ массивную дверь, и мы очутились въ большой прихожей, гдѣ въ безпорядкѣ толпилось нѣсколько золоченыхъ стульевъ съ продранными атласными сидѣньями.

— Здѣсь, за дверью, у насъ Венера... отъ дядюшки - губернатора

осталось, — сообщилъ таинственно Григорій, дернулъ къ себѣ широкую половинку двери и пояснилъ: — На виду вѣшать такую картину стыдно-съ.

Снопъ золотистыхъ лучей, что пронзилъ сумракъ прихожей, упалъ на довольно большое старинное полотно и ярко освѣтилъ его. Нагая, прекрасная, во весь ростъ, выходила Венера изъ морскихъ волнъ навстрѣчу зрителю. Нѣжными точеными руками перебирала она влажныя пряди золотистыхъ волосъ. Роскошное, прекрасно нарисованное тѣло было выдержано въ теплыхъ, спокойныхъ тонахъ. Венера стояла не глубоко въ водѣ, и около розоватыхъ колѣнъ плавала традиціонная тиціановская раковина. Богиня была залита такимъ сверкающимъ свѣтомъ, что онъ смѣло соперничалъ съ лучами солнца, щедро заливавшими полотно. Только Тиціанъ могъ написать такую дивную вещь!

— Много денегъ заплатилъ покойникъ въ Венеціи за эту самую

Венеру-съ, а все жъ она неприличная.

Я отъ души пожалѣлъ бѣдную богиню. Почему она не въ Эрмитажѣ, не въ музеѣ какомъ-нибудь, а въ прихожей стараго барскаго дома, гдѣ никто ее не видитъ и гдѣ риористъ-лакей цѣломудренно упряталъ ее за дверь? Такой-ли участи она достойна?!..

Съ Григоріемъ я не успѣлъ осмотрѣть домъ какъ слѣдуетъ. Мелькали одинъ за другимъ большіе покои съ расписными потолками и картинами въ тяжелыхъ рамахъ по стѣнамъ. Дорогая мебель краснаго дерева, паркетные полы. Огромный залъ въ два свѣта съ хорами, мраморными колоннами былъ съ верху до низу увѣшанъ поясными портретами нашихъ государственныхъ дѣятелей, начиная съ Ивана Грознаго и кончая царствованіемъ Николая Павловича. Потомъ я узналъ, что такихъ портретныхъ галлерей только три въ Россіи: одна въ Гатчинскомъ дворцѣ, другая, кажется, у гра-

фовъ Апраксиныхъ и третья у Судіенко.

Какое-то странное чувство испытывалъ я, путешествуя по этимъ нежилымъ, безмолвнымъ покоямъ. Въ громадныя окна робко заглядывало солнце, чтобъ засіять бликами на золоченой рамѣ или выхватить изъ полумрака и озарить бритое лицо давно угасшаго напудреннаго вельможи. И казалось, будто прежніе люди, которые жили здѣсь, наслаждались и горевали, не покинули этихъ стѣнъ совершенно, и призраки ихъ рѣютъ вокругъ, наполняя собой этотъ немного затхлый воздухъ.

Мнилось, будто это величавое безмолвіе — тишина мнимая и будто шорохи и шопотъ только на время притаились вокругъ...

V

Подробно осмотрѣть всѣ картины я рѣшилъ на слѣдующій день утромъ.

Григорій запиралъ двери. Я под-

жидалъ его на ступенькахъ крыльца. Послышался топотъ лошади и на дворъ въѣхали бѣговыя дрожки. Позади кучера сидѣлъ молодой блондинъ, въ ситцевой рубахѣ и пробковой индійской каскѣ.

— Евгеній Александровичъ,—шепнулъ Григорій.

Судіенко соскочилъ съ дрожекъ.

Мы познакомились. Это былъ хрупкій, миніатюрный блондинъ съ острой бородкой, острыми чертами лица и небольшими свѣтло-бирюзовыми глазами.

Евгеній Александровичъ поблагодарилъ за статью о его городскомъ домѣ и обѣщалъ подробно познакомить меня со своей усадьбой.

Мы вошли во флигель, гдѣ поджидалъ насъ уже накрытый обѣденный столъ.

На мой вопросъ—не продастъ-ли онъ нѣкоторыя картины, Судіенко отвѣтилъ отрицательно.

— Ни за что на свѣтѣ! ни одного дюйма; изъ принципа, я далъ себѣ слово сохранить въ цѣлости и не-

прикосновенности добро предковъ, какихъ-бы это мнѣ лишеній и усилій не стоило.

Въ ожиданіи пока выйдетъ въ столовую Ольга Владиміровна, Судіенко сообщилъ кое-что о себѣ.

Окончилъ онъ московскій университетъ. У него есть связи въ обѣихъ столицахъ, и онъ могъ бы служить въ любомъ элегантномъ учрежденіи, могъ бы ходить въ бѣлыхъ камеръ - юнкерскихъ панталонахъ, но онъ не хочетъ, его не тянетъ къ этому. Онъ любитъ деревню, любитъ хозяйство и если будетъ служить, то только по выборамъ. Кстати, онъ кандидатъ въ предводители.

Вошла Ольга Владиміровна, — стройная, высокая, прекрасно сохранившаяся женщина, лѣтъ пятидесяти съ лишнимъ. Породистое лицо ея говорило о былой красотѣ.

Одѣта она была въ черное, изящно сшитое платье. Ольга Владиміровна на полголовы выше сына.

За вкуснымъ поварскимъ обѣдомъ

мы говорили о прошломъ черниговской губерніи, о знакомыхъ помѣщикахъ.

Я не могъ удержаться, чтобы не похвалить очкинскаго повара.

Судіенко усмѣхнулся.

— Вы знаете,—обратился онъ ко мнѣ, — трудно доставить maman большее удовольствіе, чѣмъ сказать, что нашъ Давидъ хорошо готовитъ.

Ольга Владиміровна улыбнулась.

Уже горѣли свѣчи, когда мы встали послѣ кофе.

Лѣтніе сумерки окутали старую усадьбу.

Мы отправились къ Деснѣ и сидѣли на скамейкахъ каменной „гавани". Такъ называлась сквозная продолговатая бесѣдка съ колоннами. Я курилъ сигару; это отчасти устрашало комаровъ и они держались отъ насъ въ почтительномъ отдаленіи.

Десна отливала тусклой сталью.

На лугахъ горѣли кое-гдѣ костры.

Аспидное у краевъ небо становилось блѣднѣе.

Я поминутно оглядывался на дворецъ. И такимъ красивымъ, интереснымъ пятномъ рисовался онъ мнѣ на фонѣ окружающей темной зелени!

Чѣмъ-то грустнымъ, забытымъ вѣяло отъ него. А вѣдь было время, когда онъ ярко пылалъ огнями, на хорахъ гремѣла музыка, одна за другой подъѣзжали кареты, откуда выходили мужчины въ напудренныхъ парикахъ и дамы въ робронахъ и фижмахъ...

VI.

Утромъ, напившись чаю съ жирными сливками и мягкими домашними булочками, мы отправились съ Евгеніемъ Александровичемъ во дворецъ. Георгій Александровичъ заночевалъ на хуторѣ и не возвратился.

Въ прихожей мы застряли. Я долго любовался Тиціановой Венерой. Утромъ она была еще плѣни-

тельнѣй при чистомъ дѣвственномъ освѣщеніи. По словамъ Судіенка, покойный дѣдъ его заплатилъ за Венеру въ Венеціи сорокъ тысячъ лиръ.

Всѣ картины перечислить немыслимо. Остановимся на главнѣйшихъ.

Очарователенъ портретъ Потемкина, писанный Боровиковскимъ. И не удивительно: краса и гордость Малороссіи — Боровиковскій и до сихъ поръ остался почти не превзойденнымъ у насъ портретистомъ. Портретъ поражаетъ и колоритомъ, и нѣжной выпиской деталей. Вы чувствуете легкость дорогого и мудренаго кружева, которымъ обшитъ цвѣтной камзолъ вельможи. Руки написаны до того реально, что видна кровь подъ кожей. Если Левицкій превосходилъ Боровиковскаго колоритомъ, то во всякомъ случаѣ, уступалъ ему въ „жизненности“.

Нѣсколько nature mort, Снайдерса. Большой мастеръ; но полнѣйшее отсутствіе вкуса дѣлаетъ его большія полотна съ фруктами, овощами, ку-

сками сырого мяса и рыбами похожими на вывѣски мясныхъ лавокъ.

Два три пейзажа Рокплана, нѣсколько настоящихъ „Остадовъ“. Влюбиться можно въ густые и коричневато-теплые тона этого великаго миніатюриста.

Самыми старыми картинами оказались два батальныхъ полотна кисти венгерскаго художника Антоніо Темпеста. Оба помѣчены 1590-мъ годомъ.

Есть Айвазовскій—прежній Айвазовскій, который увлекался итальянскими развалинами и тщательно, любовно выписывалъ ихъ на фонѣ окружающей природы.

Рядомъ висѣли два небольшихъ полотна двухъ братьевъ: Соломона и Якова Рюйздаль—пейзажъ и марина. Какъ извѣстно, Яковъ писалъ мрачные пейзажи съ угрюмыми развалинами на первомъ планѣ. Соломонъ любилъ изображать море, рыбаковъ, копошащихся у лодокъ на берегу, и прибрежныя скалы.

При тщательной выпискѣ мель-

чайшихъ фигуръ и деталей—что-то эскизное, импрессіонистское чувствуется въ манерѣ этого большого мастера.

Много картинъ...

Я съ грустью замѣтилъ, что Евгеній Александровичъ не любитъ живописи. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, что мы разсматривали его галлерею, онъ оставался холоденъ и безучастенъ. А межъ тѣмъ—въ какой невѣроятный восторгъ пришелъ-бы любитель, почувствовавъ себя обладателемъ такихъ чудныхъ вещей.

Я пожалѣлъ отъ души, что нѣтъ съ нами сейчасъ І. І. Ясинскаго. Сколько наслажденія доставили бы его любительскому сердцу и братья Рюйздаль и Андріанъ Стаде и даже Рокпланъ. О Тиціанѣ и говорить нечего. Ясинскій боготворитъ этого величайшаго изъ колористовъ.

Отъ картинъ мы перешли къ мебели, бронзѣ, къ громаднымъ люстрамъ временъ Louis XIV и Louis XVI.

Когда же зрительныя ощущенія притупились окончательно и подкралась усталость, Судіенко предложилъ мнѣ осмотрѣть садъ.

Черезъ билліардную мы вышли на террасу, которую стерегли два каменныхъ, поросшихъ мохомъ, льва. Колонны ослѣпительно бѣлѣли на солнцѣ. День стоялъ жаркій, но въ саду было прохладно. Густыя липовыя аллеи не пропускали солнца. Евгеній Александровичъ повелъ меня въ глубь сада показать „островъ любви“.

Въ далекой чащѣ, посреди искусственнаго озера, зеленѣлъ круглый искусственный островокъ, густо поросшій деревьями. Красивымъ эффектнымъ пятномъ на фонѣ зелени вырисовывалась бѣлая каменная бесѣдка съ куполами и колоннами. Мостика на островъ не было и не бывало никогда.

Въ минувшіе годы сантиментальныя парочки во вкусѣ маркизъ Буше и Ватто переплывали туда на лодочкѣ, чтобъ никто, рѣшительно

никто не нарушилъ ихъ сладостнаго свиданія.

Сколько интересныхъ тайнъ могла бы поразсказать старая бесѣдка! А теперь никто не ѣздитъ подъ ея гостепріимный кровъ, ничьихъ не видитъ она объятій и стоитъ покинутая, забытая, заброшенная. Исчезла куда-то и нарядная лодочка, вѣрная спутница ищущихъ уединенія парочекъ...

Вечеромъ я покинулъ старую усадьбу съ ея милыми, радушными хозяевами. Судіенковскій четверикъ быстро везъ меня въ городъ.

Загорались въ далекихъ небесахъ звѣзды. Было свѣжо и прохладно. Острый ароматъ лѣсовъ и полей будилъ мысль и навѣвалъ тихія грезы. Кой-гдѣ на опушкахъ яркими загадочными огоньками горѣли свѣтлячки.

А позади, точно умное, фантастическое существо, осталась усадьба, населенная призраками давно угасшихъ людей. И мнилось мнѣ, что

сейчасъ по пустыннымъ заламъ, средь ночного сумрака, тихо прогуливаются пары...

Покинулъ тяжелую рѣзную раму Безбородко „Боровиковскаго“ и лѣнивой, грузной поступью подходилъ къ другому портрету, откуда благосклонно улыбается ему запечатлѣнная кистью Левицкаго Екатерина Великая. А на нихъ съ угрюмой завистью глядитъ Румянцевъ-Задунайскій. Онъ живетъ на покоѣ въ Москвѣ. Онъ обрюзгъ, ожирѣлъ, утратилъ прежнюю красоту. На немъ халатъ, колпакъ. Тихо шлепаютъ по паркету туфли...

Донесся почтовый колокольчикъ.

— Па-ромъ, давай па-а-ромъ!— протяжно кричалъ чей-то голосъ...

Пахнуло свѣжестью Десны.

Мы приближались къ Новгороду-Сѣверскому.

VII.

Спустя нѣсколько дней я былъ въ Гомелѣ. Думалъ осмотрѣть кар-

тинную галлерею князя Паскевича, но не удалось, къ сожалѣнію. Только во время отсутствія хозяевъ разрѣшено показывать дворецъ „посторонней публикѣ“.

А межъ тѣмъ я узналъ, что княжеская семья цѣлое лѣто проводитъ въ Гомелѣ почти безвыѣздно.

Ужасная досада! Зря только остановился въ незнакомомъ, мало интересномъ городѣ. Только и есть живописнаго въ Гомелѣ, что гористая набережная. Но съ нею я былъ знакомъ хорошо еще съ дѣтства, и она не могла привлечь моего вниманія.

Утро выдалось жаркое. Дулъ сильный, порывистый вѣтеръ, поднималъ на площади цѣлыя облака пыли, кружилъ ихъ, срывалъ съ прохожихъ шляпы, издѣваясь и тѣшась надъ всѣмъ, что только попадало въ его буйныя объятія. Скучно было въ номерѣ. Какъ на зло—не захватилъ съ собой ни одной книги, а до поѣзда, который помчитъ меня дальше, оставалось болѣе полусу-

токъ. Я слонялся изъ угла въ уголъ, подходилъ къ окнамъ. Вѣтеръ нагло хозяйничалъ на пустынной площади, трепалъ юбки торговокъ, и съ протяжнымъ звенящимъ гудѣніемъ, точно незримыя фантастическія крылья, трепетно бился въ стекла.

Не свирѣпствуй такъ вѣтеръ, я ушелъ бы на берегъ Сожа смотрѣть на воду, на плывущія барки, отдаться мечтаніямъ въ тихомъ созерцаніи убѣгающей изумрудной дали и ясныхъ, глубокихъ небесъ...

Но тутъ я вспомнилъ, что въ Гомелѣ живетъ, по крайней мѣрѣ жилъ, молодой художникъ Маразюкъ. Познакомился съ нимъ я въ академической столовой. Исчезъ изъ Петербурга Маразюкъ какъ-то странно, задолго до окончанія академіи. Малый онъ былъ способный, но лѣнтяй и безъ всякой школы, хотя рисовалъ недурно.

Въ моемъ „гомельскомъ сидѣньи“, одинокомъ, скучномъ, одна возможность увидѣть этого полузнакомаго, чуждаго мнѣ человѣка, показалась

крайне заманчивой. Я плотно надвинулъ шляпу и вышелъ изъ гостиницы съ твердой рѣшимостью розыскать молодого художника во что бы то ни стало, если склонный къ приключеніямъ Маразюкъ не исчезъ отсюда такъ же внезапно, какъ лѣтъ пять назадъ изъ Петербурга. Духъ авантюризма не былъ чуждъ ему: во-первыхъ я многое зналъ о черниговскихъ скитаніяхъ Маразюка, когда онъ писалъ портреты графа Любечевскаго, и, кажется, губернатора Анастасьева, а во-вторыхъ,—слѣдующій фактъ.

Зимою мнѣ попался случайно нумеръ южной захудалой газетки. Смотрю: зловѣщій траурный крестъ и зловѣщая, окаймленная чернымъ, визитная карточка для предъявленія на томъ свѣтѣ. Читаю некрологъ: умеръ Иванъ Мартыновичъ Маразюкъ (Крапоткинъ).

„Съ чувствомъ глубокаго прискорбія намъ приходится отмѣтить на столбцахъ нашего изданія неожиданную трагическую кончину

его честнаго, безкорыстнаго сотрудника (вѣроятно, помѣщалъ свои статьи gratis)—Ивана Мартыновича Маразюка-Крапоткина.

„Еще въ первыхъ числахъ декабря мы имѣли о немъ извѣстія: онъ выѣхалъ по своимъ дѣламъ изъ Новгорода-Сѣверскаго, гдѣ онъ жилъ, въ городъ Курскъ, и просилъ высылать ему туда нашу газету; а въ полученномъ вчера нумерѣ столичной газеты мы читаемъ слѣдующія скорбныя изъ Курска строки: „На Каменной улицѣ, близъ гимназіи, утромъ 5-го января найденъ изувѣченный трупъ художника литератора—И. Маразюка-Крапоткина, поселившагося въ Курскѣ всего только мѣсяцъ назадъ".

„Таинственное это происшествіе, конечно, вскорѣ выяснится, но отъ этого не легче. Съ кончиной И. М. Маразюка угасла свѣтлая личность. Ушелъ отъ насъ въ лучшій міръ даровитый и притомъ хорошій сердечный человѣкъ.

„Покойному было всего лишь

двадцать семь лѣтъ отъ роду. Онъ—уроженецъ черниговской губерніи. Художественное образованіе свое получилъ въ кіевской рисовальной школѣ Мурашко и у знаменитаго профессора живописи Н. И. Ге, а затѣмъ въ Императорской Академіи Художествъ подъ руководствомъ другого, не менѣе знаменитаго профессора И. Е. Рѣпина. Обладая талантомъ и богатой техникой, И. М. Маразюкъ писалъ чудные портреты, но особенно неподражаемо у него выходили женскіе и дѣтскіе. Снимки съ нѣкоторыхъ его картинъ можно встрѣтить въ нашихъ иллюстрированныхъ журналахъ, такъ, напримѣръ: въ „Живописномъ Обозрѣніи“. Въ литературѣ Иванъ Мартыновичъ былъ извѣстенъ больше подъ псевдонимомъ Крапоткина. Покойный успѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ выпустить въ свѣтъ сборникъ своихъ стихотвореній, не переставая до послѣдняго времени помѣщать свои беллетристическіе и стихотворные труды на страни-

цахъ многихъ періодическихъ изданій.

„Какъ художникъ, онъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ безплатно работалъ для убогихъ церквей, написавъ по добротѣ своей тысячъ на 15—20 рублей до ста превосходныхъ иконъ. И православные каменчане понесли въ лицѣ покойнаго Ивана Мартыновича также большую утрату, такъ какъ онъ еще недавно обѣщалъ и собирался пріѣхать въ Каменецъ-Подольскъ заняться безвозмездно внутренней росписью здѣшняго кладбищенскаго храма и написать иконы для его иконостаса, но, очевидно, Богъ судилъ иначе.

„Миръ же твоему праху, добрый, сердечный, хорошій человѣкъ! Sit tibi terra levis!“

VIII.

Я привелъ некрологъ слово въ слово, ибо у меня сохранилась газетная вырѣзка. Грѣшный чело-

вѣкъ!—не повѣрилъ я тогда почему-то въ „таинственное происшествіе это“—и былъ правъ. Спустя нѣсколько дней, появилось опроверженіе. Маразюкъ заявилъ письмомъ въ редакцію, что онъ живъ, здоровъ и никто никогда его не увѣчилъ. Только отецъ родной диралъ за уши, но это было давно—въ дѣтствѣ.

Исторія породила слухи не особенно лестные для молодого художника. Слухи говорили, напримѣръ, что онъ самъ напечаталъ свой некрологъ въ силу соображеній чисто рекламнаго свойства. Но я отказывался вѣрить. Маразюкъ не казался мнѣ способнымъ на подобную гнусность...

Держась обѣими руками за шляпу, я шелъ къ набережной, гдѣ, какъ сообщилъ мнѣ всевѣдающій факторъ, въ домѣ Боярскаго жилъ Иванъ Мартыновичъ Маразюкъ. Пыль непріятно слѣпила глаза, пудрила сѣрымъ налетомъ чахлую зелень обглоданныхъ еврейскими козами сиреневыхъ и жасминовыхъ кустовъ.

Была суббота, и шумный торговый Гомель присмирѣлъ, словно вымеръ. Жизнь едва, едва теплилась.

Набережная; серебрится у ногъ безпокойной зыбью Сожъ; на измѣнчивомъ лонѣ его плавно колышутся плоты. Бѣлые пароходы не мигая смотрятъ темными глазницами оконъ. Медленно плыветъ широкогрудая барка. На ней суетятся люди съ длинными шестами; доносится громкая брань; тягуче простоналъ свистокъ.

Вотъ и домъ Боярскаго. Весь въ зелени, легкій, трехъ-этажный съ балконами на рѣку. Мальчикъ лѣтъ четырехъ, съ мокрой вспотѣвшей головой, бѣдно одѣтый, настойчиво преслѣдовалъ курицу. Увидѣвъ меня, онъ оставилъ свою жертву въ покоѣ и подошелъ.

— Художникъ Маразюкъ здѣсь живетъ?

— Здѣсь; это нашъ папа. Вотъ по этой лѣстницѣ надо; въ третій этажъ; тамъ папа на дверяхъ домики нарисовалъ.

— Однако,—подумалъ я,—когда же это „нашъ папа“ успѣлъ обзавестись дѣтворой? Я зналъ еще въ Петербургѣ, что Маразюкъ былъ женатъ; но супруги не ладили и въ концѣ концовъ разошлись.

Крутая деревянная лѣстница. На матовыхъ стеклахъ двери какіе-то неопредѣленные акварельные наброски, ничего общаго съ „домиками“ не имѣющіе. Я позвонилъ.

Вышелъ мужчина въ красной рубахѣ съ бородкой и недоумѣвающе уставился на меня влажными, оловянными глазами. Онъ!.. и постарѣлъ же, осунулся.

IX.

— Чѣмъ могу служить?—не впуская меня, тихо спросилъ художникъ.

Я назвалъ себя. Лицо его сразу стало радушнымъ.

— А, это вы! Не узналъ! Очень радъ. Какими судьбами? Милости

прошу въ мастерскую, сюда. Читалъ ваши разсказы и восхищался. Сюда пожалуйте. Пальто вотъ сюда, на вѣшалочку. Здѣсь я пишу своихъ боговъ. Заѣдаютъ они мой вѣкъ. Ничего не подѣлаешь—семья.

Пятистѣнная мастерская съ пятью окнами походила на фонарь. Какъ онъ можетъ работать? Или часть оконъ завѣшиваетъ?

На мольбертѣ стояла неоконченная „Тайная вечеря“ подъ Леонардо-де-Винчи. Со стѣнъ смотрѣли женскіе этюды и портреты Маразюка. Все сухо, зализано, „иконисто“, хотя нарисовано не дурно.

Хозяинъ усадилъ меня на кушетку, у заваленнаго всякой всячиной письменнаго стола.

— Изъ Новгорода-Сѣверскаго сейчасъ? Судіенки картины смотрѣли? Хорошія вещи. Я тамъ декораціи для городского театра пачкалъ. Хотѣлъ покопировать, да времени не было. Я, знаете, теперь тоже въ литературу ударился. И стихами и прозой катаю. Больше въ мѣстныхъ газе-

тахъ. Хоть даромъ, зато охотно помѣщаютъ. Сначала въ столицу посылалъ, да закаялся: мало, что не печатаютъ, еще рукопись пропадетъ. Рвусь въ Петербургъ—боги не пускаютъ,—бѣда мнѣ съ ними...

Я внимательно разсматривалъ Маразюка: худое, нескладное туловище и короткія ноги. Прямые влажные волосы падали на туго стянутый у землистой жилистой шеи воротъ кумачевой рубахи.

Неопредѣленное тоскливое чувство зашевелилось во мнѣ.

— Какъ вы здѣсь устроились?

— Въ финансовомъ отношеніи еще туда-сюда, а такъ не особенно.

Маразюкъ оглянулся на дверь.

— Они всѣ тамъ, на той половинѣ. Ко мнѣ прямо и дверь. Когда работаю, то запираюсь, чтобъ не мѣшали.

Онъ понизилъ голосъ.

— Вѣра меня бросила въ Петербургѣ. Сошлась съ какимъ-то франтомъ,—въ банкѣ служитъ. Прохвостъ высокой марки! Говорили, что я ее билъ муштабелемъ; только это не

правда... Ну, вернулся я на родину, встрѣтилъ старую симпатію, и... вотъ живемъ гражданскимъ бракомъ. Трое киндерятъ у насъ.

Маразюкъ хотѣлъ показать, что всѣ эти прелести семейной жизни связываютъ ему крылья, но тонъ его не звучалъ особеннымъ сожалѣніемъ. Мнѣ стало досадно.

— Стыдитесь, Иванъ Мартыновичъ! Такой молодой и уже спутаны по рукамъ и по ногамъ. Простите за банальную фразу, но художникъ долженъ быть совершенно свободенъ. То ли дѣло Академія, Васильевскій островъ—милая художническая богема, споры до зари объ искусствѣ, о прекрасномъ, стаканы безъ блюдечекъ и мастихины вмѣсто ножей...

— Эхъ, не вспоминайте лучше. Впрочемъ, нѣтъ, говорите, говорите, разжигайте меня; можетъ быть, я и вырвусь отсюда подъ вліяніемъ вашихъ рѣчей. Чѣмъ-то петербургскимъ пахнуло. Вотъ, продамъ боговъ,—и уѣду. А семья... что-жъ?

Буду высылать имъ. Ей Богу; вотъ хорошо!

Голосъ его звучалъ болѣе искренно.

— Ну, смотрите, на что это похоже? Развѣ это искусство? искусство, я васъ спрашиваю? — ожесточился Маразюкъ и указалъ на продолговатый съ закругленнымъ верхомъ холстъ, гдѣ жестко и грубо былъ намалеванъ сидящій на камнѣ Илья пророкъ. Онъ протягивалъ руку къ птицѣ, что летѣла къ нему съ громаднымъ кускомъ пищи въ клювѣ. — Искусство? — напиралъ на меня Маразюкъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я, усмѣхнувшись его непонятной настойчивости.—Однако у вашей вороны цѣлый окорокъ въ клювѣ!

— Это я такъ, — чтобъ всѣ прихожане видѣли. Чтобъ съ притвора, канальямъ, было видно.

И Маразюкъ погрозилъ кому-то кулакомъ.

Постучали въ дверь.

— Можно войти?—скороговоркой спросилъ молодой голосъ съ сильнымъ еврейскимъ акцентомъ.

— Мой ученикъ, — прошепталъ Иванъ Мартыновичъ, и громко произнесъ:

— Войдите.

Тонкій смуглый юноша, съ густыми курчавыми волосами, не ожидалъ встрѣтить чужого и застѣнчиво недоумѣвающе уставился на меня живыми черными глазами.

— Вотъ, Калманъ, писатель къ намъ пріѣхалъ, петербургскій писатель,—встрѣтилъ Маразюкъ своего ученика.

Калманъ неловко поклонился въ мою сторону всѣмъ туловищемъ и покраснѣлъ. Потомъ, опустивъ длинныя, какъ у дѣвушки, рѣсницы, сосредоточенно затеребилъ край черной суконной блузы. Что-то подкупающее было въ этомъ стройномъ мальчикѣ. Я заговорилъ съ нимъ возможно привѣтливѣй, и ободренный Калманъ не спускалъ съ меня блещущаго наивнымъ любопыт-

ствомъ взгляда. Онъ варварски коверкалъ русскій языкъ, а недостатокъ словъ пополнялъ торопливой нервной жестикуляціей. Онъ старался всѣми силами, чтобъ я могъ его понять.

Солнце обильно заливало мастерскую; лучи его жизнерадостно играли на этюдахъ, сверкали бликами на чернильницѣ, на флакончикахъ съ красками. Я курилъ сигару, наблюдалъ Маразюка, Калмана, и мнѣ не было скучно; я не чувствовалъ себя одинокимъ. Судя по бѣдному костюму юноши, я догадывался, что Иванъ Мартыновичъ ничего не получаетъ съ него за уроки, и Маразюкъ выросъ въ моихъ глазахъ.

Я задавалъ Калману вопросы. Онъ отвѣчалъ охотно и подробно. Вотъ что узналъ я о немъ:

Родители имѣютъ небольшой башмачный магазинъ. Суровые фанатичные люди. Тяжелое угрюмое было дѣтство Калмана. Трехлѣтняго ребенка стали посылать въ „хедеръ“

учиться. Тамъ билъ его меламедъ по головѣ, билъ какъ-то особенно звѣрски складывая пальцы. Дома Калмана ожидали побои отца. Старикъ наказывалъ его за малѣйшую провинность, а за нарушеніе религіозныхъ обрядовъ доставалось особенно жестоко. Калманъ никогда не забудетъ какъ ему влетѣло отъ отца за субботнюю прогулку съ тросточкой. Тяготѣть къ рисованію онъ сталъ рано. Первые шаги въ этомъ направленіи были встрѣчены чрезвычайно враждебно. Истые, правовѣрные евреи, родители считали рисованіе чѣмъ-то грѣховнымъ, близкимъ къ идолопоклонству.

Увеличивая за гроши фотографическія карточки, Калманъ скопилъ нѣсколько рублей и противъ воли отца уѣхалъ въ виленскую рисовальную школу. Жилъ онъ тамъ, разумѣется, впроголодь. Отецъ не присылалъ ни копѣйки. Еще-бы! онъ желалъ видѣть своего сына за талмудомъ или за прилавкомъ

башмачнаго магазина, но ни въ какомъ случаѣ не за мольбертомъ и кистью.

X.

Прошло два года. Нынѣшней весной Калманъ окончилъ школу съ аттестатомъ. Иванъ Мартыновичъ такъ добръ, что учитъ его писать „масломъ“.

Въ Академію хотите? — спросилъ я.

Такъ и загорѣлся Калманъ. Засверкали глаза огоньками.

Боже мой, чтобъ я далъ, чтобы попасть въ Академію! Это такое счастье, такое счастье! Я не смѣю и думать!..

Отъ волненія онъ дрожалъ.

Я любовался имъ — такъ онъ былъ хорошъ въ своемъ восторженномъ порывѣ. Какая громадная разница между ученикомъ и учителемъ! Пламенно отъ всей чистой души своей мечталъ Кал-

манъ о манящемъ его Петербургѣ. А Маразюкъ давно погасъ, размѣнялся, давно почилъ на своихъ „богахъ“, а истинные, лучезарные боги исскуства не влекутъ его къ себѣ нисколько. Такъ, зря болтаетъ, чтобы порисоваться неудовлетворенностью передъ свѣжимъ человѣкомъ.

Еще не видѣвъ работы Калмана, я почти не сомнѣвался, что онъ талантливъ. Даровитыя люди въ большинствѣ случаевъ отмѣчены какой-то особенной печатью, которая скорѣе угадывается, чѣмъ видима.

Бѣдный Калманъ! Тамъ, въ прохладныхъ сырыхъ потемкахъ башмачной лавки, въ простой семьѣ недалекихъ фанатиковъ выросъ этотъ самородокъ, безъ тепла, безъ ласки. Въ груди тлѣетъ искра, жаждетъ разгорѣться. Его тянетъ къ свѣту, къ прекрасному, ко всему, что такъ безконечно далеко отъ мелкаго гешефта прозаической гомельской лавченки. Суждено осу-

ществиться его мечтамъ, или онѣ увянутъ, сломленныя враждебной волей—и мальчикъ, заглушая рыданія, станетъ у ненавистнаго прилавка, позабывъ навсегда о Петербургѣ, Академіи, о своихъ завѣтныхъ благоуханныхъ грезахъ!

Такъ думалъ я и отъ всего сердца хотѣлъ помочь мальчику. Похлопочу за него у знакомыхъ профессоровъ, найду заработокъ.

— Ахъ, въ Академію въ Академію,—повторялъ Калманъ, точно загипнотизированный.

Маразюкъ одной рукой оттягивалъ поясъ-снурокъ, а другой—пощипывалъ бородку. Какое-то тихое безуміе смотрѣло мгновеніями изъ его влажныхъ оловянныхъ глазъ.

Иванъ Мартыновичъ вытащилъ откуда-то старую папку и показалъ мнѣ рисунки Калмана. Хорошіе рисунки. Еще годъ—и ученикъ перещеголяетъ учителя.

Я углубился въ работы Калмана.

А Маразюкъ безъ умолку говорилъ о себѣ:

— Знаете,—волосы рву на себѣ: зачѣмъ не кончилъ Академіи, зачѣмъ меня бросила жена? Вы знаете какъ я поступилъ въ Академію? Сначала не хотѣли принимать. Тогда я прямо къ Маковскому, Владиміру Егоровичу—онъ тогда уже ректоромъ былъ. Показываю свой этюдъ: еврей съ бородавкой на лбу, на носу мѣдныя очки. Маковскому страшно понравилось. На другой-же день приняли въ Академію. Я былъ въ мастерской Рѣпина. Мы съ нимъ и теперь переписываемся. Во какія письма катаемъ другъ другу. Онъ меня любилъ; работы мои ему страшно нравились. Бывало подойдетъ, посмотритъ какъ я пишу и скажетъ: „Ахъ знаете, Маразюкъ, у васъ кисть большаго мастера. Прямо Валаскезовская лѣпка!“ — Хотите покажу его письма?

— Интересно.

Долго искалъ Маразюкъ рѣпин-

скія письма: на столѣ въ ящикахъ, между бумагами но такъ и не нашелъ.

— Чортъ ихъ знаетъ, куда онѣ запропастились. Вчера еще перебиралъ.

— Ничего, потомъ какъ нибудь покажете.

Калманъ чувствовалъ себя неловко и, отвернувшись къ окну, тихо барабанилъ по стеклу длинными тонкими пальцами.

Посидѣвъ еще немного, я сталъ прощаться. Маразюкъ встрепенулся и началъ удерживать:

— Куда вы, куда вы? Оставайтесь обѣдать. Поживите у насъ въ Гомелѣ денька два. Портретикъ съ васъ сдѣлаю. Такая пудьга съ этими „богами", что радъ пописать живого человѣка, ей-Богу!

Но я рѣшительно взялся за шляпу. Внезапно померещился сюжетъ новаго разсказа, и я хотѣлъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ написать его.

— Ну, ничего съ вами не подѣлаешь, когда такъ. А то остались бы обѣдать: у насъ сегодня окрошка. Впрочемъ, не смѣю настаивать. Въ которомъ часу уѣзжаете? Въ десятомъ? Приду на вокзалъ непремѣнно. съ Калманомъ приду. А, Калманъ?

— Конечно, съ большимъ удовольствіемъ,—отвѣчалъ юноша.

Вечеромъ я былъ на вокзалѣ. Закатъ погасъ. Горѣли молочно матовыя лампы и свѣтъ ихъ боролся съ тихими серебристыми сумерками, что ровно струились въ большія окна. Суетилась прислуга, стуча посудой.

Я уже взялъ билетъ, уже подошелъ поѣздъ, какъ быстро вбѣжали, тяжело дыша, Маразюкъ въ сѣрой крылаткѣ и Калманъ.

— Слава Богу, не опоздали. А я все боялся. Благодаря вамъ, воспрянулъ духомъ. Мечтаю о Петербургѣ. Написалъ стихи... посвящается вамъ... прочтите. Напечатайте гдѣ нибудь въ столицѣ. Даже безъ гонорара...

Стиховъ Маразюка я не напечаталъ нигдѣ, но они у меня сохранились:

Южный вѣтеръ меня убаюкалъ,
Полевой ароматъ усыпилъ,—
И сомкнулъ я усталыя очи
И о жизни своей позабылъ...
Мнѣ казалось, что гдѣ-то, въ пространствѣ.
Въ недоступной, широкой дали.
Разливаясь вокругъ, мои силы
И душа непрестанно росли,
И ко мнѣ приближались могучей,
Величавой красивой волной,
Окружая меня и лаская,
Постепенно сливаясь со мной...
Южный вѣтеръ меня убаюкалъ,
Полевой ароматъ усыпилъ,—
И сомкнулъ я усталыя очи,
И о жизни своей позабылъ...
Но раздался вдругъ голосъ призывный,
И я весь потянулся къ нему,—
И, что грезилось мнѣ въ сновидѣньи,
Вдругъ случилось со мной на яву,—
Воротились ко мнѣ мои силы,
Встрепенулося сердце въ груди,
И желанное счастье зажглося
Путеводной звѣздой впереди.

И. М. Маразюкъ (Крапоткинъ).

Хрипло просвистѣлъ паровозъ. Поѣздъ вздрогнулъ, тронулся. Уплывала, кишащая людомъ, платформа, и съ ней уплывали двѣ фигуры: сѣрая и черная. Учитель и ученикъ долго махали шляпами.

Мнѣ было жаль Калмана.

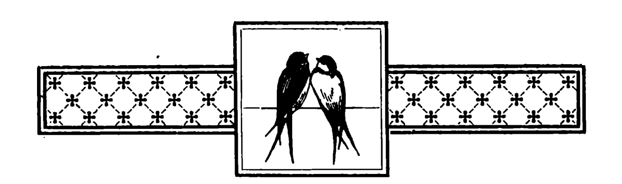
ХОХОТЪ

(Стихотвореніе въ прозѣ).

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Художнику

И. Ф. Попову

I.

Церковь залита огнями. Въ прозрачномъ туманѣ кадильнаго дыма мигаютъ огоньки восковыхъ свѣчей.

Передъ аналоемъ стоятъ женихъ и невѣста. Оба молоды, красивы. Ея чудныя глаза полны нѣмого восторга. Печать серьезной вдумчивости дѣлаетъ его правильныя черты еще строже. Они счастливы,— безпредѣльно, безумно. Вся жизнь— заманчивая, долгая, полная любви, — принадлежитъ имъ нераздѣльно.

И все такъ хорошо, празднично вокругъ. Ризы священника горятъ искрящимся золотомъ. Эффектными,

изящными пятнами гармонично вырисовываются фигуры новобрачныхъ. Она — сама чистота, сама воплощенная невинность, въ своемъ бѣломъ подвѣнечномъ нарядѣ съ пышной фатой и флеръ д'оранжами на чудной головкѣ.

Кончается обрядъ. Утомленныя руки шаферовъ въ бѣлыхъ перчаткахъ передаютъ вѣнцы священнику. Величавое спокойствіе смѣнилось движеніемъ, легкимъ шумомъ. Привѣтствія, поздравленія; густая волна публики разступается передъ *женой* и *мужемъ*.

Они вышли. Кто-то крикнулъ карету, кто-то посадилъ ихъ, хлопнулъ дверцей, кто - то крикнулъ „пошелъ". Но они не слышали, они ничего не слышали, опьяненные сладкимъ сознаніемъ близости и желаннаго одиночества.

Лошади мчали карету. Молодые сидѣли, прижавшись другъ къ другу, и рессоры съ мѣрнымъ покачиваньемъ тихо баюкали...

Онъ покрывалъ поцѣлуями ея руки, лицо, губы и горячо шепталъ:

— Радость... счастье мое... ты моя... навсегда... Никто не отыметъ... всю жизнь вмѣстѣ... Да?

Карета мчалась. Мелькали огни. Кругомъ рокоталъ шумный городъ... Но они ничего не слышали. Не слышали, какъ гдѣ-то, далеко, сквозь дребезжанье колесъ чудился леденящій душу презрительный хохотъ Мефистофеля;

— Ха-ха-ха, ха-ха-ха!..

II.

Холодный осенній день. Надвигаются тусклыя свинцовыя сумерки.

Точно исполинское чудовище, медленно, неумолимо ползетъ на кладбище похоронная процессія. Хоронятъ крупнаго общественнаго дѣятеля. Бурно, точно въ кипящемъ котлѣ, прошла его жизнь. Онъ зналъ всѣхъ и всѣ знали его. Онъ соз-

давалъ грандіозные проекты, участвовалъ въ разныхъ комиссіяхъ, засѣданіяхъ, принесъ много добра.

Теперь онъ успокоился. Навсегда. И лежитъ безчувственный, неподвижный, подъ балдахиномъ въ богатомъ гробу. Холодный вѣтеръ играетъ кистями балдахина; онѣ трепещутъ, словно желая сдѣлать крѣпкій сонъ еще болѣе непробуднымъ, вѣчнымъ.

Кони въ черныхъ зловѣщихъ чепракахъ томительно тихо влекутъ катафалкъ. Впереди тамбуръ-мажоръ въ треуголкѣ и съ булавой усыпаетъ путь цвѣтами. А сзади чернѣетъ густая толпа. Многіе безучастны, но большинство убито горемъ. Слышатся сдавленныя рыданія. Подъ густыми траурными вуалями блестятъ заплаканные глаза.

Вотъ и кладбище. Съ протяжнымъ, свистящимъ завываніемъ гнутся подъ напоромъ вѣтра оголенныя деревья.

Отпѣли покойника. Положили въ могилу. Жгучія судорожныя всхлипыванія. Кто-то началъ длинную, скучную, никому ненужную рѣчь. Его смѣнилъ другой, третій... и всѣ восхваляли покойника, всѣ говорили, что его смерть — большая, незамѣнимая утрата...

Потомъ на крышку гроба стали бросать комъ за комомъ. Глухо стучала твердая, подмерзающая земля.

А въ отдаленномъ уголкѣ кладбища, точно эхо, раскатывалось жуткое, равнодушное ко всему на свѣтѣ:

— Ха-ха-ха-ха...

III.

Суровый Петербургскій морозъ. Все застыло подъ его безпощаднымъ леденящимъ дыханіемъ. Это дыханіе серебритъ прохожихъ... молодыхъ и старыхъ — всѣхъ одинаково дѣлаетъ сѣдыми.

Торопливой походкой къ Пескамъ направляется молодая дѣвушка. На ней бѣлый передникъ. Она курсистка. Худое, нервное личико покрылось неподвижнымъ, какъ маска, румянцемъ. Холодный румянецъ. Легкій, старенькій жакетъ плохо грѣетъ измученное ночными дежурствами тѣло.

Дѣвушка вошла во дворъ, и по грязной лѣстницѣ поднялась въ четвертый этажъ. Дешевая, неуютная каморка. На столѣ книги, лекціи, кривая лампа.

Потирая озябшія руки, курсистка подошла къ окну. Внизу зіялъ дворъ. А далеко, на горизонтѣ догоралъ кровавый закатъ.

Дѣвушка мрачно задумалась.

Неприглядная дѣйствительность. Тяжела трудовая нищенская жизнь на скудные гроши.

Но лицо прояснилось. Она вспомнила всю многомилліонную массу, голодную, обездоленную, что копошится гдѣ-то тамъ, далеко, въ непролазныхъ снѣгахъ. Она счастли-

вѣй ихъ. Этимъ несчастнымъ отдастъ она всѣ свои силы, будетъ лѣчить убогихъ и темныхъ людей.

Картины труда, суроваго альтруистическаго счастья рисовались одна за другой милой дѣвушкѣ. Лицо все свѣтлѣло и свѣтлѣло... Широко раскрытые глаза смотрѣли въ даль съ надеждой и вѣрой.

А въ углу каморки—худую, костлявую фигуру Мефистофеля корчило отъ сдавленнаго смѣха. Вотъ, вотъ не выдержитъ онъ, и нѣмой холодный мракъ огласится ужаснымъ:

— Ха-ха-ха-ха-ха...

ОГЛАВЛЕНІЕ.